

НКС ООН РАН

Научно-консультативный совет по правовым,
психологическим и социально-экономическим проблемам
общества Отделения общественных наук РАН

АРБ

Ассоциация российских банков

НИИ ДДyП

Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

О проекте
**«СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ
ФИНАНСОВОГО РЫНКА
ДО 2030 ГОДА»**

Материалы заседания 9 октября 2021 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2021

УДК 336.761(470+571) (066)"2021/2030"

ББК 65.264(2Рос)я431

О-11

О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года». Материалы совместного заседания НКС ООН РАН и НИИ ДДиП 9 октября 2021 года / [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. — М. : ООО «Новые печатные технологии», 2021. — 155 с.

ISBN 978-5-6046631-8-9

В брошюре публикуются материалы совместного заседания Научного консультативного совета Отделения общественных наук РАН и Национального исследовательского института Доверия, Достоинства и Права, прошедшего 9 октября 2021 года в формате «Рабочего завтрака у Тосуняна».

Известные ученые, эксперты финансового рынка в докладах, посвященных обсуждению Стратегии развития финансового рынка до 2030, делают глубокий анализ соответствия документа заявленным целям и задачам — повышению конкурентоспособности, прозрачности и эффективности финансовой политики и финансового рынка в целом.

В докладах содержится много интересных идей и конструктивных предложений, направленных на создание нормальных условий для стабилизации экономики, что в конечном итоге сможет повысить благосостояние наших граждан.

УДК 336.761(470+571) (066)"2021/2030"

ББК 65.264(2Рос)я431

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или ее части в любом виде воспрещается без письменного разрешения авторов.

ISBN 978-5-6046631-8-9

© Тосунян Г.А., составление, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Справка:

- О **НКС ООН РАН** (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
- О **НИИ ДДиП** (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
- О **«Рабочем завтраке у Тосуняна»**
и об этом издании 5

Предисловие 11

Раздел I. Доклады

В.А. ГАМЗА

КАК ПРЕОБРАЗОВАТЬ ФИНАНСОВЫЙ РЫНОК
СБЕРЕЖЕНИЙ В РЫНОК ИНВЕСТИЦИЙ 16

А.А. КУДРИН

ПРОБЛЕМЫ КОНКУРЕНЦИИ И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ
НА РОССИЙСКОМ ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ 29

Б.Б. РУБЦОВ

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ РЕАЛИЗАЦИИ
«СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО РЫНКА РФ
НА ПЕРИОД ДО 2020 ГОДА» 39

Я.М. МИРКИН

МНОГОЛЕТНИЕ НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РОССИЙСКОГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА:
ЕСТЬ ЛИ НА НИХ ОТВЕТЫ В СТРАТЕГИИ 45

А.Е. АБРАМОВ КАК В СТРАТЕГИИ ПРИМЕНЯТЬ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИНДИКАТОРЫ	53
---	----

Раздел II. Дискуссия: реплики, вопросы, комментарии

И.В. БЕЛИКОВ	63
А.Л. САВАТЮГИН	65
П.А. МЕДВЕДЕВ	72
А.Г. АГАНБЕГЯН	75
Р.С. ГРИНБЕРГ	81
Э.О. МЕХТИЕВ	83
А.А. ГУСЕЙНОВ	86
Г.А. ТОСУНЯН	89

Раздел III. Статьи

А.Г. АГАНБЕГЯН О КОРЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ	94
---	----

Заключение	148
------------	-----

Справка:

О НКС ООН РАН (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),

О НИИ ДДиП (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),

О «Рабочем завтраке у Тосуняна»

и об этом издании

Когда в конце марта прошлого года началась пандемия, все оказались шокированы новыми условиями жизни и необходимостью адаптироваться к многочисленным ограничениям, которые власти вынужденно ввели.

Для банков и ряда других бизнесов эти шоки были особо остро ощутимы.

Может показаться, что шок для академической науки был менее болезненным, поскольку считается, что ученым проще работать в тиши своих кабинетов или квартир.

Возможно, для представителей гуманитарных наук и теоретиков в каком-то смысле это и так. Но ни наука, ни бизнес, ни общество не могут существовать и развиваться без коммуникаций, без повседневного общения.

Будучи представителем и банковской системы, и академической науки, хотел бы поделиться своими соображениями и своим опытом работы в условиях пандемии.

Тем более, что эта брошюра своим выходом в свет обязана в значительной степени именно тем неординарным условиям, в которых оказалась и банковская система, и наука.

1. НКС ООН РАН был создан примерно 9 лет назад как совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания совета проводились по средам в Отделении общественных наук РАН один или два раза в год.

Решение о проведении очередного заседания происходило при готовности ведущих ученых и экспертов предоставить свои новейшие разработки по актуальным темам.

В феврале 2020 года члены НКС на своем очередном заседании приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы:

«В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?».

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован из Научно-консультативного совета по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. Параллельно, на протяжении более чем 25 лет по субботам раз в две-три недели проходили рабочие завтраки представителей Ассоциации российских банков (АРБ), в которых кроме банкиров принимали участие и эксперты по финансово-банковскому рынку из вузов, Госдумы, ЦБ, Совета Федерации, различных ведомств и, конечно, академической науки.

Каждый рабочий завтрак проходил по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них обсуждались проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу, и многие другие вопросы развития общества.

В общем, все проходило по сценарию, характерному для круглых столов, на которых идут интеллектуальные споры и дискуссии по поставленным проблемам.

С годами круг экспертов расширялся.

Кроме банкиров в завтраках стали принимать участие и представители регулятора, и чиновники высшего уровня, и депутаты, и аналитики.

Независимо от ранга и неизбежных различий во взглядах и суждениях, всех их объединяет равнодушное отношение к тому, что происходит в стране и желание изменить и сделать хоть немного лучше мир, в котором мы живем.

Главными критериями для приглашения в качестве докладчика было и остается – глубокое знание вопроса, который выносится на обсуждение, умение четко

и аргументированно высказывать, и отстаивать свою позицию.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на рабочих завтраках, заметно расширился. Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью этих рабочих завтраков было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3-4 часа.

Короткий перерыв был лишь в 1998-99 годах после дефолта.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства и их правового обеспечения, и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение траектории движения

общества «войны всех против всех» в сторону «общества доверия, достоинства и уважения друг к другу»!

4. В конце марта был объявлен локдаун.

Встал вопрос, заморозить работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и рабочие завтраки?

Или искать какое-то другое решение?

Поскольку банки не могли позволить себе полностью остановить свою деятельность, то и АРБ сочла невозможным для себя уходить на «режим вынужденного отдыха», хотя соблазн в состоянии шока и страха перед болезнью запереться дома и ни о чем не думать, был у многих!

Но, все же превалировало понимание, что нельзя поддаваться слабости и инерции.

АРБ с первого дня локдауна приняла решение не останавливать свою работу ни на один день, а перейти для большинства в режим Зума.

Руководство Ассоциации установило дежурства, поочередно выходя на работу.

Но тогда же стало понятно, что заседания и НКС ООН, и НИИ ДДиП, и рабочих завтраков можно объединить, используя онлайн-формат, тем более, что исходя из практики последних лет было очевидно, что мы поднимаем одни и те же вопросы, приглашаем нередко одних и тех же экспертов и на заседания НКС, и на рабочие завтраки, а потом и на заседания Института.

Было принято решение проводить совместные заседания.

За прошедшие почти два года было проведено более 50 «Рабочих завтраков у Тосуняна», из которых около 8 прошли в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 участников, принимали участие в режиме Зума, видя и слыша «живых» участников и докладчиков, и сами, участвуя в дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материала для публикации.

Г.А.ТОСУНЯН академик РАН
Президент Ассоциации российских банков

Предисловие

Уважаемые читатели!

9 октября на заседании НКС ООН обсуждался проект «Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года».¹

Участники дискуссии единодушно высказали мнение – довести до разработчиков стратегии и широкой общественности доклады экспертов, так как они содержат глубокий анализ и содержательные предложения.

Так возникла идея – издать материалы заседания отдельной брошюрой.

Брошюра, которую вы держите в руках, откроет серию «Заседания НКС ООН РАН».

Мы планируем издать в таком же формате и все предыдущие и последующие дискуссии НКС ООН и НИИ ДДиП, полагая, что обсуждаемые вопросы интересуют широкий круг экспертов, при том не только имевших лишь возможность участвовать в дискуссиях.

Мы полагаем, что свободный, дискуссионный формат наших заседаний придает им особый шарм, благодаря очень широкой палитре мнений экспертов – профессионалов высочайшего уровня из различных областей науки, бизнеса и управления.

В этом контексте, считаю важным отметить, что стратегия развития страны должна разрабатываться с опорой на науку и людей, мыслящих независимо и

¹ С проектом «Стратегия развития финансовых рынков до 2030 года» можно ознакомиться на сайте АРБ

умеющих объективно оценивать не только состояние экономики страны, ее финансового рынка и банковской системы.

Особо важным считаю участие в разработке подобных документов – именно в разработке, а не только в экспертизе! – специалистов, способных объективно оценить социально-психологическое состояние общества, а не только следовать тому, что предлагается и декларируется сверху.

Сегодня необходимо предпринимать конкретные шаги для создания в обществе культуры, построенной на взаимном уважении и доверии, а не на страхах «агрессивно-молчаливого» или «агрессивно-пассивного большинства», унаследованных из 90-х и ранее.

Поэтому полтора года назад был создан Национальный исследовательский институт доверия, достоинства и права, ориентированный именно на эти задачи.

Уверен, что пора переходить к долгосрочным планам и думать о будущем своей страны, в которой будут жить наши дети.

Будущие поколения должны жить в обществе, где у человека есть возможность аргументировать и отстаивать свои интересы, где развиты навыки слушать и критически относиться в первую очередь к самому себе и к собственному поведению.

Без преувеличения могу сказать, что в докладах, наших выступающих содержится много интересных идей и предложений, главная цель которых – создание нормальных условий для стабилизации экономики, что в конечном итоге сможет повысить благосостояние наших граждан.

На рабочем завтраке 9 октября было высказано немало конкретных замечаний и достойных предложе-

ний, которые заметно могут усовершенствовать документ, подготовленный Банком России.

В частности, Владимир Гамза в своем докладе, анализируя состояние финансового рынка нашей страны, вполне резонно ставит вопрос, почему финансовый рынок слабо участвует в инвестициях в основной капитал, и потом дает свою версию ответа.

Докладчик обосновывает тезис о том, что в России экономический рост не является функцией инфляции, потому что в России инфляция, в основном, носит немонетарный характер.

А в заключение дает свои предложения по стимулированию капиталовложений.

Александр Кудрин в своем докладе останавливается на проблемах конкуренции на финансовом рынке и подготовки кадров, особый акцент, делая на приход множества неквалифицированных инвесторов на финансовый рынок.

Эта проблема обострилась в последнее время в связи со значительным снижением процентных ставок по банковским вкладам.

Борис Рубцов вполне резонно решил сравнить новую стратегию с принятыми ранее стратегиями развития и их итогами, за которые никто не отчитался перед обществом.

При этом Борис Рубцов полагает, что «если посмотреть на общие конкретные задачи, которые там были прописаны, то, в принципе, они, решены, за отдельными исключениями».

Яков Миркин в своем докладе отмечает, что «...несмотря на «холодную» денежно-кредитную политику ЦБ РФ, Россия занимает по уровню инфляции «почётное» 132-е место в мире из 163 стран».

И, наверное, давно всем нам надо было бы понять, что это не случайность, а в значительной мере следствие того, что «... уже три десятка лет избыточно высокие процентные ставки по кредитам тормозят развитие экономики».

При этом мы продолжаем «успешно» таргетировать инфляцию методами, которые в значительной степени поддерживают эти высокие ставки!

Завершая свое предисловие, приведу еще одно соображение, высказанное в реплике Игоря Беликова: «Без глубокого анализа того, что представляет наше государство и как оно взаимодействует с обществом, в чем оно видит свои интересы, как, на их основе, понимает целевое устройство экономики и управление ею, наши дискуссии и предложения будут сводиться только к – «надо ...» и «а давайте....»...».

С репликами в дискуссии выступили многие уважаемые наши коллеги и с их соображениями и аргументами мы предлагаем ознакомиться в Разделе II настоящего издания.

Академик Абел Гезевич Аганбегян принял участие в дискуссии и с его репликой читатели могут ознакомиться в упомянутом разделе.

В дополнение к небольшому выступлению Абел Гезевич предложил свою статью для нашего издания, с ней можно ознакомиться в Разделе III.

Мы планируем по итогам наших заседаний НКС ООН РАН издавать материалы в таком не совсем стандартном формате, в котором будут и доклады, и дискуссии, состоящие из вопросов, реплик, дополнительных

выступлений. И статьи, если кто-то из участников заседания предложит интересный материал!

Рассчитываем на ваш дальнейший интерес к нашим дискуссиям и активное в них участие.

Г.А.ТОСУНЯН

Раздел I. Доклады

В.А. ГАМЗА

к.ю.н., к.э.н., председатель Совета по финансово-промышленной и инвестиционной политике, член Правления ТПП РФ

КАК ПРЕОБРАЗОВАТЬ ФИНАНСОВЫЙ РЫНОК СБЕРЕЖЕНИЙ В РЫНОК ИНВЕСТИЦИЙ

Уважаемые коллеги, сначала хочу обратить ваше внимание на те грандиозные задачи, которые поставил Президент РФ в своем Указе от 21.07.2021 и которые предстоит решить до 2030 года. Без всякого преувеличения перед нашей экономикой стоят действительно астрономические задачи.

Национальные цели развития России до 2030 года

Указ Президента РФ от 21.07.2020:

- **рост ВВП России темпами выше среднемировых;**
- **рост доходов населения не ниже инфляции;**
- **реальный рост на 70% инвестиций в основной капитал (более 25% ВВП);**
- **реальное увеличение на 70% несырьевого экспорта (более \$250 млрд);**
- **увеличение численности занятых в сфере МСП до 25 млн человек;**
- **увеличение строительства жилья до 120 млн кв. м. в год;**
- **вхождение по качеству науки и образования в десять ведущих стран мира;**

- **увеличение в 4 раза** вложений в сферу информационных технологий;
- **снижение в 2 раза** бедности — до уровня менее 9 млн чел.

Почему решил начать именно с этого?

Потому что на банковском форуме в Сочи в сентябре 2021 года, к сожалению, никто из руководителей кредитных организаций и руководства Центрального банка не говорил о том, какие задачи стоят перед нашей национальной экономикой и каковы в связи с этим задачи банковского сектора.

Это было очень печально, потому что складывалось ощущение, что банковская система и Центральный банк живут сами по себе, независимо от реальной экономики, и у них чисто утилитарные задачи – как снизить монополизм крупнейших банков, которые теперь стали называть себя «экосистемами», как вписаться в повестку Европы по ESG политике, как обеспечить цифровую трансформацию и информационную безопасность и так далее.

О том, что задачи в экономике колоссальные, красноречиво свидетельствует ситуация в России в 2019-2020 годах.

Мы должны признать, что ничего существенного ни в 2019, ни в 2020 годах не произошло.

Понятно, что пандемия 2020 года нанесла серьезный удар по экономике, но и без этого мы теряем позицию в мире по многим позициям. И даже признаков будущего прорыва пока не видно.

Мы сегодня 6-я экономика в мире (даже кое-кто из чиновников похвастался, что мы якобы уже 5-я экономика по итогам 2020 года).

Но мы должны четко понимать, что мы 6-я экономика не потому, что мы эффективная экономика, а потому что у нас просто большое население, мы большая страна не только по населению, но и по территории, и по природным ресурсам, которые нещадно эксплуатируем.

Именно поэтому мы, слава Богу, занимаем 6-е место по объёму экономики. Никакой другой заслуги нашего Правительства здесь нет.

А если проанализировать качественные показатели, то окажется, что по темпам роста экономики за 30 лет мы на 98-ом месте.

Мы все 30 лет «растём» в кавычках, а на самом деле – все 30 лет отстаём от мирового развития.

Мир (весь мир, включая беднейшие страны) за эти 30 лет вырос практически в 1,5 раза больше, чем смогла это сделать Россия.

Поэтому, если мы и дальше будем так «расти» отставая, то скатимся в число беднейших стран. Да, мы движемся, но мы «бежим трусцой» в хвосте мировой экономики.

Второй качественный показатель, по которому мы на печальном 47-м месте – это ВВП на душу населения.

На самом деле надо отметить, что по итогам 2019 года мы были на 50-м, а по итогам 2020 вышли на 47-е место.

Полагаю, что «помогло» то, что население нашей страны за 2020 год сократилось на 0,5 миллиона человек.

Китай и ряд других развивающихся стран достаточно сильно в этом плане нас поджимают. Я думаю, что через 7-10 лет Китай нас обойдёт. К сожалению, многие страны, с которыми мы сопоставимы или даже

больше по населению и природным ресурсам, намного впереди нас.

Возвратимся к финансовому рынку и экономическим задачам.

В последние 10 лет финансовый рынок по основным показателям рос быстрее экономики в 1,5-3 раза.

В результате мы сегодня – некая «страна-кубышка» с официально учитываемым объемом сбережений всех видов в национальной и иностранных валютах около 130 трлн рублей.

У нас достаточно большие финансовые ресурсы, но все они внутри финансового рынка переливаются, и мы в основном занимаемся финансовыми спекуляциями. Мы большей частью перепродаём друг другу кредитные риски в той или иной форме.

Не буду останавливаться на всех показателях участия финансового рынка в развитии экономики, выделю лишь две яркие позиции.

Первое – кредиты МСП.

За 10 лет их рост оказался ниже инфляции – кредиты МСП выросли на 80%, а инфляция – на 85%.

Второе – капитализация реальной экономики.

Все 10 последних лет рост объема ежегодного IPO так же был нулевым, и объем составлял около \$5 млрд.

У нас реальная экономика живет сама по себе, а финансовая система, в большей части, живет сама по себе.

В результате наша «страна-кубышка» с огромной массой всех видов сбережений около \$2000 млрд (это без неучтенных средств «под подушкой», в офшорах и так далее) обеспечивает инвестиций в основной капитал ежегодно всего около \$300 млрд. При этом надо чётко понимать, насколько мы отличаемся по структуре инвестиций от развитых стран.

В развитых и быстро развивающихся странах основной объём инвестиций черпается из финансового рынка, в среднем 2/3 инвестиций даёт финансовый рынок, менее четверти – это собственные средства компаний, примерно 10% обеспечивает государство.

Что мы видим у нас?

Практически всё наоборот – собственные средства предприятий в инвестициях составляют около 60%.

Финансовый же рынок слабо участвует в инвестициях в основной капитал.

На долю кредитных организаций, которые занимают более 80% активов финансового рынка, в инвестициях приходится менее 10%.

Про небанковские финансовые организации можно даже не говорить, их доля в инвестициях очень мала, в совокупности она составляет менее 10%.

Если бы государство не участвовало в инвестиционном процессе аж на 20%, у нас вообще была бы аховая ситуация с капиталовложениями.

Поэтому валовое накопление капитала у нас 22%, в мире – 26%.

Те, кто нас догоняет, Турция и Индонезия – 30-35%. В Китае – 43% ВВП.

Не считаю благом 20%-е участие государства в инвестициях, стратегически это вредно.

Но дело в том, что мы привели страну к такому уровню патернализма во всех сферах, что не очень понятно, как мы из этого уровня патернализма, в том числе в инвестициях, когда-нибудь вылезем.

Все ждут, когда государство поможет, что-то даст, что-то обеспечит и так далее. Это нарастание патерна-

лизма как раз и привело к тому, что объём инвестиций – 20%.

Стратегически это вредно для экономики. Но если сейчас изъять эти 20%, или хотя бы 10%, из общего объёма инвестиций, то у нас начнётся падение экономики, никакого роста вообще не будет.

В чём проблема низкого уровня и слабого роста инвестиций в основной капитал?

Первая и главная причина в том, что государство у нас изымает из экономики огромный объём ВВП (созданной добавленной стоимости).

Объём изъятий – это все те средства, которые изымает государство в виде всех платежей: налоги, пошлины, платежи во внебюджетные фонды, штрафы, пени и прочее, – всё, что государство получает в течение года из экономики. Это – в так называемый консолидированный национальный бюджет.

Анализ данных по этой теме ярко свидетельствует о том, насколько эффективна экономика при том или ином уровне изъятия государства.

Объём изъятий государства из ВВП / рост экономик, 2019 год:

- Италия = 47% / +2,0%
- **Россия = 39,5% / +2,4%**
- Великобритания = 38,8% / +2,9%
- Ю. Корея = 35% / +3,3%
- Австралия = 34,6% / +6,0%
- США = 31,5% / +3,7%
- Ирландия = 25,0% / +6,1%
- Китай = 22% / +8,1%

Тот, кто меньше изымает из экономики, показывает более высокий уровень экономического роста.

В лидерах сегодня: Ирландия, изымает всего 25% и показывает 6% роста, и Китай, который изымает лишь 22% и показывает 8% роста.

Это еще раз показывает, что наши большие, прежде всего государственные, сбережения практически не работают на развитие экономики.

Какой должна быть финансовая система для того, чтобы она смогла обеспечить достижение национальных целей 2030 года?

Она должна быть на порядок сильнее, чем на сегодняшний день. Самое главное, она должна быть нацеленной на значительный рост капиталовложений в реальную экономику.

Как член рабочей группы по подготовке Стратегии развития финансового рынка до 2030 года, до сих пор не слышу конкретных цифр развития экономики, которые должны быть обеспечены Центральным банком и Минфином России для того, чтобы эта стратегия развития финансового рынка была адекватна достижению национальных целей, которые поставил Президент РФ.

Если мы не достигнем значений показателей, которые дают расчеты по монетарным условиям достижения национальных целей к 2030 году, то что бы мы ни делали в рамках таргетирования инфляции, сдерживания монополизма наших финансовых экосистем, внедрения ESG-стандартов, развития цифровизации, мы не достигнем национальных целей развития экономики, потому что в основе решения этих задач лежат инвестиции.

Только при наличии высокого роста инвестиций до уровня более 25% ВВП мы сможем обеспечить достижение этих целей.

Монетарные условия достижения Национальных целей 2030:

- средняя ежегодная инфляция = 4%
- **ВВП номинальный в 2030г. = 260 трлн руб.** (+145%), необходим ежегодный номинальный рост ВВП на 8-10%
- **сумма прироста ВВП за 10 лет = 700 трлн руб.**
- **денежная масса (M2) в 2030г. = 260 трлн руб.** (+340%), необходим ежегодный номинальный рост M2 на 17-20%
- **национальная денежная база в 2030г. = 85 трлн руб.** (+350%), при коэфф. мультипликации M2/НДБ => 3 (сейчас — менее 2), ежегодный рост на 17-20%
- **инвестиции в основной капитал в 2030г. = 65 трлн руб.** (+225%), 25% ВВП
- **сумма прироста инвестиций за 10 лет = 235 трлн руб.** — необходим ежегодный номинальный рост инвестиций на 13-16%

Банк России в ответ на все наши предложения о том, что нужен совершенно новый финансовый рынок, инвестиционный финансовый рынок, утверждает, что это всё приведёт к высокой инфляции, и все пострадают, прежде всего, население.

Центральный банк исходит из парадигмы, что высокий экономический рост является функцией низкой инфляции.

Однако в России экономический рост точно не является функцией инфляции, потому что в России инфляция в основном носит немонетарный характер.

Инфляция, как правило, наоборот является функцией экономического роста, и при длительно высоком экономическом росте сначала может возникать повышенная инфляция (часть инвестиций в основной капитал могут создавать инфляционный эффект). Но в последующем она становится низкой, так как стабильно высокое развитие экономики формирует опережающее предложение товаров и услуг на потребительском рынке.

Вот, пожалуйста, некоторая аналитика на эту тему.

Страны с самым высоким уровнем развития за последние пять лет: Португалия, Китай, Индия.

Совершенно разные инфляции: от 4% в Португалии до 21% в Индии.

И наоборот, внизу аутсайдеры – самый низкий уровень экономического роста в Японии и России.

При этом 34% – инфляция в России; 2,7 % – в Японии.

Поэтому надо закрыть тему о том, что наша цель – низкая инфляция.

Нам надо поставить новую стратегическую цель – высокий уровень инвестиций и высокий экономический рост, обеспеченные всем арсеналом инструментов финансового рынка, которые приведут к низкой инфляции.

Инфляция и рост экономик ведущих стран мира

Рост экономик (ВВП по ППС) / инфляция с 2014 по 2019 год:

- **Португалия = 33% / 4,2%**
- **Китай = 33% / 10%**
- **Индия = 30% / 21%**
- Польша = 30% / 4,4%
- Ю.Корея = 28% / 5,5%
- Великобритания = 27% / 7,7%
- США = 23% / 7,7%
- **Индонезия = 22% / 20%**
- **Канада = 19% / 8,3%**
- **Россия = 17% / 34%**
- **Япония = 15% / 2,7%**

Какими видятся ключевые направления, которые сегодня необходимо включить в стратегию развития финансового рынка?

Ключевые направления Стратегии развития финансового рынка:

- формирование эффективного механизма трансмиссии сбережений в инвестиции, переход от спекулятивного банкинга к ответственному инвестированию;
- ограничение монополизации крупнейших банковских и финансовых экосистем и опережающее развитие небанковских финансовых институтов;
- развитие региональных и муниципальных финансовых систем, в том числе за счет создания на базе МСП Банка специального банка развития регионов;
- создание системы специализированных инвестиционных банков;

- использование национальных резервов Правительства и ЦБ для лизинга самых современных технологий и оборудования в целях модернизации экономики;
- расширение участия страховых компаний и негосударственных пенсионных фондов в проектном финансировании и инвестировании в растущие компании;
- активное участие Банка России в развитии инвестиций в основной капитал;
- нормативно-правовое стимулирование капиталовложений.

Первое, это создание эффективного механизма трансмиссии сбережений в инвестиции, переход от спекулятивного банкинга к ответственному инвестированию.

Если нам не удастся из этих 130 триллионов рублей сбережений хотя бы 40 триллионов ежегодно вкладывать в качестве инвестиций, мы так и будем продолжать расти отстающими темпами.

Совершенно очевидно, что с монополизацией крупнейших банков в финансовой системе надо бороться и сделать ставку на опережающее развитие небанковских финансовых институтов и цифровых финансовых инструментов.

Что касается анализа состояния региональных и муниципальных финансовых систем, я абсолютно согласен с тем, что сегодня ахиллесова пята развития наших регионов – фактическое отсутствие развитых финансовых систем в них.

Очень важным является создание специализированных инвестиционных банков.

К сожалению, самое удивительное, сколько говорим об этом, а никакой реакции ни нашего регулятора, ни денежных властей нет.

Все наши банки в России – кредитно-депозитные учреждения.

Во всём мире кредитно-депозитным учреждениям запрещается заниматься прямыми инвестициями, потому что они, когда собирают деньги вкладчиков, не объясняют им, куда будут вкладывать их средства.

Центральный банк совершенно правильно вынужден жестко контролировать размещение этих денег.

Эту проблему решает создание специализированных инвестиционных банков, которые с вкладчиком на входе подписывают инвестиционный меморандум, договариваясь о том, куда, на каких условиях, при каких рисках будут вкладываться эти деньги.

Давно пришла пора создать нормальную систему инвестиционных банков, но, к сожалению, пока «воз и ныне там».

Считаю, что сегодня необходимо и возможно провести колоссальную быструю модернизацию нашей промышленности за счёт использования резервов Правительства и Центрального банка.

Часто нам говорят, что мы не можем тратить эти резервы (видимо, кроме как тратить, многие чиновники ничего другого делать не умеют).

Но причём здесь «тратить»? Их надо использовать на возвратной возмездной основе, только в России и под тот процент, который позволит действительно обеспечить быструю, технологически самую современную модернизацию.

Понятно, что наши институциональные инвесторы, страховые и пенсионные фонды, слабо используются для капиталовложений.

Нужна особая программа кардинального изменения ситуации на страховом и пенсионном рынке, включающая активное участие Банка России в развитии инвестиций в основной капитал.

Важен вопрос нормативно-правового стимулирования капиталовложений.

Я удивляюсь, почему государство не может установить нормативные требования для кредитных организаций, которыми оно владеет, по участию в инвестициях в основной капитал?

Почему оно не может это сделать? Не понимаю.

Я не считаю административные методы главными, важными и долгосрочными. Но полагаю, что в условиях, когда нужно совершенно точно срочно запустить новый инвестиционный процесс, поскольку он длительный, можно использовать и административные методы с последующим постепенным установлением такой системы стимулирования инвестиций, которая будет основана на рыночных методах.

Потому что сделать современную эффективную рыночную систему стимулирования инвестиций в той ситуации, в которой мы сегодня оказались, быстро невозможно.

Но нам нужно быстро наладить серьёзный инвестиционный процесс. И поэтому в данной ситуации нельзя пренебрегать использованием административных методов.

Совершенно очевидно, что Правительство и Банк России сегодня имеют все необходимые полномочия, инструменты и компетенции, чтобы обеспечить широкое активное участие финансового рынка в обеспечении высокого и стабильного экономического роста.

А.А. КУДРИН

к.ф.-м.н., профессор Банковского института ВШЭ,
главный стратег по макроэкономике и долговым рынкам
«АТОН»

ПРОБЛЕМЫ КОНКУРЕНЦИИ И ПОДГОТОВКИ КАДРОВ НА РОССИЙСКОМ ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ

Долгие годы на разных площадках мы говорим о том, что финансовые рынки не предоставляют достаточного объёма для инвестиций, что это большая проблема и что с этим нужно делать, что-то придумываем на уровне регулирования.

Но вдруг оказалось, что финансовые рынки могут развиваться и без какого-то участия регулятора и понуждения со стороны государства.

За последние 2,5 года на российском финансовом рынке произошел, если так можно сказать переворот или глобальные структурные изменения. На этот рынок пришли в обилии частные инвесторы.

Только за прошлый год частных инвесторов стало ровно столько, сколько за предыдущие 25 лет развития финансового рынка, что, конечно, является абсолютно фантастическим результатом.

Но самое поразительное, что этот рост продолжился и в этом году. Сейчас число открытых брокерских счетов составляет 14 миллионов, что составляет примерно 10% населения страны.

Сегодня мы можем говорить о том, что финансовый рынок довольно глубоко проникает в сознание обычных людей. Это важное изменение, которое игнорировать никак нельзя.

Более того, говоря о перспективе развития финансовых рынков, мы, помимо всего прочего, говорим не

только о том, что финансовые рынки должны выполнять свою роль и предоставлять инвестиционные ресурсы, но мы говорим и о том, что повышается социальная составляющая. Потому что число людей, вовлечённых в операции на финансовых рынках, резко возросло.

Если следовать этой логике, то открывается целый пласт проблем, на которые стоит обратить внимание, и которые в той версии стратегии развития финансовых рынков до 2030 года, которая была представлена, отображены не полностью.

Первое, на что стоит обратить внимание, это конкуренция.

В России финансовая система традиционно исторически довольно сильно сконцентрирована в банковском секторе.

Но мне хотелось бы затронуть не банковские структуры, а те организации, которые обслуживают финансовые рынки.

Если мы посмотрим на инвестиционные компании, то, конечно, их число сокращается.

В действительности это довольно тревожный сигнал, потому что снижение конкуренции по определению ведёт к снижению качества услуг.

Естественно, здесь возникает вопрос, каким образом можно эту конкуренцию стимулировать.

Если обратиться к тексту стратегии, о которой мы говорим, там есть ссылка на то, что конкуренция важна, что её надо поддерживать и развивать.

Но из предметных мер, говорится лишь о том, что нужно развивать концепцию открытых финансов (налоги с открытым банкингом), чтобы сделать более-менее

равные условия доступа к информации у всех участников финансового рынка.

Но можно предусмотреть гораздо более эффективные меры.

Наш мир меняется, и меняется довольно быстро.

Идут процессы, которые принято в современном мире называть уберизацией. Это когда многие сервисы отдаются на аутсорсинг и становятся относительно дешёвыми.

В этих условиях много говорится в России о том, что плохо развивается малый и средний бизнес.

Если мы перекинем эту же концепцию на финансовые рынки, то оказывается, что малый и средний бизнес можно развивать и здесь.

Я просто напомню, что в конце 2018 года в России было принято новое законодательство, которое обеспечило появление целого института так называемого инвестиционного консультанта.

Вполне логично предположить, что, когда число частных инвесторов составляет миллионы, число инвестиционных консультантов должно достигать, очевидно, тысячи или сотни тысяч.

Однако в реестре консультантов, который публикуется на сайте Центробанка, их всего 120, из которых, наверное, три четверти занимают уже состоявшиеся участники рынка, профессиональные участники рынка – разного рода брокерские компании или инвестиционные дома. Но частных предпринимателей и малого бизнеса здесь не особо много.

Означает ли это, что этот бизнес не развивается?

Конечно, нет. Этот бизнес активно развивается, просто он находится в серой зоне.

И это даже не тактическая, а стратегическая цель – перевести этот бизнес из серой зоны в белую для того,

чтобы обеспечить качество услуг, которые предоставляются населению.

Чего стоит опасаться в ближайшие годы?

Полагаю, что все те люди, которые пришли на финансовые рынки, но не понимают и не в состоянии оценить возможные риски, могут потерять деньги по тем или иным причинам.

Если они разочаруются в финансовых рынках, то писать какую-либо стратегию бессмысленно, потому что рынки будут находиться в состоянии стагнации, и значит всё будет довольно плохо.

Если вспомнить ситуацию 2006-2007 годов, это был бум паевых инвестиционных фондов, привлечших внимание многих частных инвесторов.

2008 год – кризис, плохое управление паевыми инвестиционными фондами.

Частные инвесторы разочаровались в этой индустрии, в течение следующих 10 лет эта индустрия стагнировала и функционировала крайне плохо, привлекала мало денег, мало инвестировала, не выполняла свои функции.

Если мы говорим про текущий момент, развитие института инвестиционных консультантов, очевидно, приведёт к тому, что будет повышаться конкуренция.

Но здесь есть ещё один очень важный момент, на который стоит обратить внимание – это качество образования, которое мы имеем в России в области финансовых рынков.

Почему это важно?

Потому что значительная часть тех людей, которые пытаются оказывать услуги по инвестиционному

консультированию, не владеют достаточными знаниями.

Их уровень образования, их уровень понимания финансовых рынков оставляет желать лучшего.

Поэтому очень важно повысить роль учебной системы, роль высшей школы в плане подготовки кадров для финансовых рынков.

С учётом того, что финансовые рынки развиваются очень быстро, это та концепция непрерывного образования, которая активно обсуждается.

Частично эта концепция отражена в стратегии, потому что мир меняется столь быстро, что понимание финансовых рынков, в том числе у топ-менеджмента многих производственных компаний остаётся довольно скромным.

Мало кто представляет, каким образом в принципе извлекаются деньги из финансовых рынков.

Именно концепция непрерывного образования может изменить эту парадигму и открыть гораздо больше возможностей для производственных компаний.

С точки зрения подготовки кадров для финансовой индустрии у нас складывается довольно любопытная ситуация, когда есть очень много финансовых институтов, которые создают свои корпоративные университеты, где делятся опытом со своими сотрудниками, занимаются подготовкой кадров, повышением квалификации.

Во многих финансовых организациях накоплен великолепный опыт, здесь в первую очередь стоит говорить как раз о банках.

Полагаю, стоит поразмыслить над возможностью кооперации корпоративного и классического вузовского образования. По-моему, может получиться довольно хороший результат с точки зрения подготовки кадров.

Все на самом деле логично: без хороших кадров мы не получим хорошего сервиса, без хорошего сервиса мы явно будем «просаживаться» в конкуренции и получать на рынке довольно большое количество либо недобросовестных, либо неграмотных специалистов, присутствие которых рано или поздно будет вести к тому, что инвесторы, люди, которые пришли на рынок со своими сбережениями, будут терять свои деньги.

В свою очередь, это будет создавать проблемы для финансовых рынков, а учитывая масштаб проникновения финансовых рынков в жизнь обычных людей, это повлечет и довольно серьезные социальные проблемы.

И здесь я хотел бы остановиться подробнее.

Анализируя природу интереса физических лиц к финансовым рынкам, можно сослаться на исследования Банка России и на интересные работы, которые опубликованы на Западе и в США.

Есть два посыла, почему люди, к примеру, пришли на фондовый рынок.

Первое, если говорить о России – ставки по депозитам стали низкими, хочется поискать альтернативный доход.

Второе, это то, что называется термином геймификация, когда инвестиции рассматриваются как своеобразная игра.

К сожалению, в данном случае речи о долгосрочном планировании не идет.

Это очень печально.

Хотелось бы, чтобы у граждан постепенно развивались навыки долгосрочного планирования.

Если люди рассматривают финансовые рынки как объект для инвестиций на многие годы, то если

верить научным работам и статистике, они с большой вероятностью заработают деньги.

Это то, что индустрия может объяснить инвесторам.

Здесь, кстати, гораздо больше ответственность лежит на индустрии, чем на регуляторе.

Для нее важно выстроить долгосрочные отношения со своими клиентами, со своими инвесторами, чтобы они вкладывали деньги на продолжительный срок, и тогда у них, с большей вероятностью, будет заработок.

Как показывает статистика, с течением времени, условно говоря, если вы инвестируете какие-то деньги на 10-15 лет, вы будете получать какой-то дополнительный доход.

Если же люди пришли на год, расклад – 50 на 50.

Им может повезти, а может и не повезти. Это та ситуация, в которой регулятор помочь никак не сможет.

Но с точки зрения регулятора для того, чтобы выстраивать эту систему долгосрочного планирования и долгосрочного инвестирования, конечно, надо для неквалифицированных инвесторов ограничивать риски, стараться повышать финансовую грамотность, и делать все те шаги, которые и предпринимаются.

**Открытых счетов порядка 14 миллионов. По-
нятно, что из них зафондированных меньше.**

Но, даже если это половина, все равно это очень много.

Это 7 миллионов счетов.

Если мы будем смотреть, грубо говоря, не по головам, а по домохозяйствам из трех человек, примерный охват – 21 миллион российского населения.

Еще одна проблема, но это не в рамках стратегии, это просто ремарка к существующей реальности, это то, что, если вы сравните, например, российский рынок и рынок американский, то есть один парадокс.

В России соотношение собственных инвестиций, когда человек сам инвестирует, управляет своим брокерским счетом, и дает деньги под управление в различных формах примерно 1 к 1.

В Соединенных Штатах это соотношение примерно 1 к 4.

Люди отдают в управление денег гораздо больше, чем они управляют самостоятельно.

Если мы предположим, что на рынок пришли миллионы частных инвесторов, я охотно допускаю, что из них десятки тысяч окажутся очень успешными управляющими. Но проблема заключается в том, что все равно это не миллионы.

Однако, повторюсь, если мы говорим о долгосрочном инвестировании, то инвестор выиграет с большей вероятностью.

Это статистически подтвержденный факт.

Речь идет о том, что нужно создавать культуру инвестирования, которой в России нет, потому что этот взрывной рост произошел очень быстро. Этой культуре особо неоткуда взяться.

Если посмотреть на то, откуда черпаются знания у частных инвесторов, то, к сожалению, качество той информации, которая предоставляется разного рода каналами в соцсетях, не выдерживает вообще никакой критики.

Более того, к сожалению, много людей, близких к мошенникам. Это совсем плохо.

Надо отметить, что проблема долгосрочного планирования и долгосрочного инвестирования – это вообще проблема для России, она фундаментальна.

Она проявляется не только и не столько даже, на финансовых рынках. Потому что ровно эта же проблема стоит в пенсионной системе.

Люди не готовы накапливать деньги на ближайшие 20-30 лет. Это правда. Если это удастся переломить, то все, в конечном итоге, будет хорошо.

Резюмируя, еще раз отмечу.

Первое и самое важное – конкуренция на финансовом рынке.

Пункт о конкуренции заслуживает отдельной подглавы в Стратегии развития финансового рынка.

Второе. Институт инвестиционных консультантов, на мой взгляд, это довольно серьезная точка роста вообще всей индустрии.

Это то, что может обеспечить индустрии стабильность на многие годы. Обеспечить ее функционирование.

В том числе это очень совпадает с концепцией развития малого и среднего бизнеса.

Третье. Про образование.

Возможно, стоит сделать такую профессию – инвестиционный консультант. И на уровне высшего образования готовить специалистов.

Потому что индустрии требуются тысячи специалистов в этой области.

Лучшие практики корпоративного образования можно переносить в классическую высшую школу. Стоит стимулировать какую-то коллаборацию между корпоративным и классическим высшим образованием.

При этом хотелось бы подчеркнуть, что Стратегия развития финансового рынка 2030 года, безусловно, является важным документом и достойной попыткой сформулировать ключевые цели и описать методы для их достижения.

Хочется верить, что она станет рабочим, «живым» документом, задающим ориентиры как для регулятора, так и для индустрии.

Б.Б. РУБЦОВ

д.э.н., проф., заместитель руководителя департамента по научно-исследовательской работе Департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве РФ

**О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ РЕАЛИЗАЦИИ
«СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО
РЫНКА РФ НА ПЕРИОД ДО 2020 ГОДА»**

Когда я обсуждал со своими коллегами Стратегию 2030, основное замечание касалось того, что она носит слишком общий характер и не содержит никаких количественных параметров.

Конечно, в Стратегии 2030 есть отсылка к конкретному документу Банка России по развитию финансового рынка на трехлетний период (2022-2024), там, где приведены количественные параметры.

Тем не менее, мне представляется, что какие-то целевые показатели должны быть.

Я предполагаю, что Банк России и Министерство финансов, которые готовили Стратегию 2030, сознательно упустили этот момент, учитывая, что те целевые показатели, которые были записаны в предыдущих стратегиях, не были достигнуты.

У нас была стратегия на 2006-2008 годы, потом стратегия на период до 2020 года, утвержденная в декабре 2008 года.

Мы знаем, что было в то время. Конец 2008 года – самый разгар кризиса. Документ утратил силу 17 сентября 2018 года.

Там были даны количественные показатели. Сейчас я покажу, в какой мере они были реализованы.

Основная цель стратегии 2020 – формирование конкурентоспособного самостоятельного финансового центра.

Вспоминаем, что в то время у нас была идея о превращении Москвы в глобальный финансовый центр и вхождение в рейтинги известных глобальных финансовых центров (GFCI компании Z/Yen).

Предполагалось за несколько лет войти, насколько я помню, в двадцатку ведущих.

Основные задачи, которые нужно решить для развития финансового рынка, это повышение емкости, прозрачности рынка, обеспечение эффективности рыночной инфраструктуры, формирование благоприятного налогового климата, совершенствование правового регулирования.

Если посмотреть на общие конкретные задачи, которые там были прописаны, то они, в основном, действительно, решены.

За отдельными исключениями.

Например, в самом начале Стратегии 2020 на первом месте стоит привлечение, защита инвесторов.

И в качестве задачи стоит создание компенсационных механизмов для граждан, инвестирующих свои средства на финансовом рынке.

Эта задача не была решена.

В новой стратегии о ней ничего не говорится. И вообще вопрос исчез, хотя, казалось бы, за рубежом такие институты существуют, весьма эффективно используются, в том же Китае.

Кстати, такой механизм на фондовом рынке там был создан до того, как в Китае появилась система страхования вкладов.

Здесь нужно на самом деле изучать как это все работает у них, и насколько это нужно нам счету.

Теперь о задаче формирования финансового центра.

Непосредственно в стратегии уже про финансовый центр, как таковой, про Москву ничего не говорится.

У нас, как вы помните, была специальная программа по превращению Москвы в финансовый центр.

Если посмотрим позиции Москвы на протяжении периода с сентября 2009-го года, когда мы попали впервые в этот рейтинг компании Z/Yen, по сентябрь 2021 года, получается вот такая картина.

В сентябре 2009 года 67 место (из 75), в сентябре 2017 г. – 89 (из 92).

В последнее время позиции улучшились, что связано, скорее всего, с «работой» над показателями, входящими в Doing Business (они тоже учитываются при составлении рейтинга GFCI) – в сентябре 2021 года Москва оказалась на 50 месте (из 116). Но это, все же, отнюдь не двадцатка.

Количество городов, которые находятся в выборке, увеличилось.

Было 75 в 2009-м году. Сейчас это уже 116. Такая ситуация.

Далее самое существенное – это конкретные показатели.

Конкретные показатели, которые записаны в стратегии, и то, что было по факту в 2020-м году.

Давайте посмотрим.

Капитализация публичных компаний 170 триллионов рублей, по факту – 51 триллион рублей.

Отношение капитализации к ВВП 104%, факт – 41%.

Биржевая торговля акциями 240 триллионов рублей, по факту – 26 триллионов рублей.

Соотношение биржевой торговли к ВВП – 146%, факт – 21%.

Стоимость корпоративных облигаций в обращении, 19, факт – 13,5.

Соотношение корпоративных облигаций по отношению к ВВП 12%, здесь уже, в общем-то, показатель почти достигнут – 11%.

На самом деле, то, что реально развивается и то, что способствует, по большому счету, экономическому росту – это наш российский рынок корпоративных облигаций, который худо-бедно, но развивается.

Далее: активы инвестиционных фондов, по стратегии 17 трлн, по – факту 5 трлн.

Пенсионные накопления и пенсионные резервы – 12 трлн, 5 трлн по факту.

Рынок акций вроде растет, индекс Мосбиржи бьёт рекорды, вроде как народ приходит на рынок, покупает акции.

Но какова роль рынка акций в инвестиционном процессе?

Публичное размещение акций на внутреннем рынке по Стратегии 2020 – 3 трлн руб, по факту 0,2 трлн. Это совсем немного.

По большому счету, конечно, во всех странах рынок акций не играет большую роль в инвестиционном процессе (в отличие от рынка облигаций), но, тем не менее.

И последнее, количество розничных инвесторов.

Сейчас много говорится о том, что на фондовом рынке произошла революция.

В 2020 году у нас насчитывалось 10 млн инвесторов-физических лиц (5 лет назад немногим более 1 млн), сейчас уже 14 миллионов при 22 миллионах счетов.

У одного человека может быть несколько счетов. Однако, по большому счету, большая часть этих так называемых инвесторов, это не инвесторы.

Я вчера проводил занятие со своими студентами, 4 курс. Спрашиваю, у кого есть брокерские счета? Из группы поднимают руки человек пять.

Почему открыли?

Показывает мне телефон. Вот, очень просто, открыл счет.

Он, вроде как, считается формально инвестором, входит в статистику Мосбиржи.

Но, по большому счету, из этих 14 миллионов реально инвестируют на рынке не более половины, скорее даже меньше.

Александр Абрамов, Яков Миркин, сегодня приводят более точные цифры. Вот таковы результаты.

Теперь несколько слов о новой Стратегии 2030.

Должны быть какие-то, наверное, ориентиры?

Я думаю, должны быть. В том числе, например, касающиеся размера российского финансового сектора.

Я часто показываю график, который построен на основе статистики одного ежегодника Совета по финансовой стабильности.

«Мощь» российского финансового сектора, 3,2 трлн долл. – 18-е место в мире.

Сюда включаются и активы Центрального банка, банков, пенсионных фондов, страховых компаний и так далее.

Когда я начал считать, у меня получилось существенно меньше, на несколько сот миллиардов долларов.

Причем, я включил в подсчет даже то, что обычно не делается, наш суверенный фонд, институты развития.

Все равно не получается такая цифра.

Написал письмо в Совет по финансовой стабильности, они мне, в общем-то, не сказали, как считают.

Но дали подсказку: цифру предоставляет Банк России.

Когда я начал внимательнее изучать статистику Банка России, я понял, что в эту цифру входят еще брокерские счета, ценные бумаги на брокерских счетах и в доверительном управлении.

Тогда и получается 3,2 трлн долл. Что мы обычно не делаем, когда показываем активы финансовой системы.

И последнее, что я хотел бы отметить, опять же, мы говорим о стратегии развития.

Финансовые активы России – это меньше 1% глобальных финансовых активов.

На Россию по другим показателям приходится чуть больше 2%.

Мне представляется, что какие-то количественные параметры в Стратегии должны быть заданы. В какой форме, нужно думать, это вопрос дискуссионный.

Кстати говоря, в нынешней стратегии 2030 ни слова не говорится о стратегии 2020 и о предыдущих документах. Это, наверное, не случайно.

Я.М. МИРКИН

д.э.н., проф., заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН, глава научного совета «Института экономики роста им. П. Столыпина»

МНОГОЛЕТНИЕ НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА: ЕСТЬ ЛИ НА НИХ ОТВЕТЫ В СТРАТЕГИИ

По моему мнению, опубликованный проект «Стратегия развития финансового рынка до 2030 г.» носит, скорее, инструментальный характер.

Многие хронические «болячки» мы без перерыва обсуждаем уже четверть века. Идем по кругу, пишем книги и статьи, спорим на различных форумах и пресс-конференциях.

На мой взгляд, проблема №1 – это неадекватность в 2-3 раза объёма финансового сектора России размерам отечественной экономики.

Финансовая система России напоминает «денежный холодильник».

В финансовом посредничестве банки, брокеры, страховые компании, пенсионные и инвестиционные фонды буквально выжимают из камня воду.

Поясню на числах свои оценки.

Доля РФ в мировом ВВП по номиналу составила 1,9% в 2019 году.

Это 11-е место в рейтинге стран.

По монетизации, то есть по насыщенности деньгами экономического оборота (Широкая денежная масса / ВВП) наша экономика в 2019 году заняла 65-ое место в мире (World Bank Open Data).

Сравнив 11-ое место и 65-ое место, мы понимаем, что имеем дело с длительной деформацией.

Никогда доля России в глобальных финансовых активах (в отличие от мирового ВВП) не превышала 0,7–0,8%.

Между тем, денежная масса – это как раз тот «материал», из которого строятся финансовые рынки и кредиты предприятиям и населению.

По насыщенности банковскими кредитами частному сектору (Внутренний кредит банков частному сектору / ВВП) мы занимали в 2019 году 62-ю позицию в мире.

И, наконец, в 2019 году Россия удерживала 35-е место в мире по насыщенности экономики акциями (Капитализация внутренних компаний, имеющих листинг / ВВП) (World Bank Open Data).

Что означают эти данные?

Они говорят о том, что от 30 до 60 экономик мира обладают более развитым, чем у нас, финансовым сектором, несущим инвестиции в национальное хозяйство.

Эта статистика подтверждает наши давние дискуссии о том, что уже три десятка лет избыточно высокие процентные ставки по кредитам тормозят развитие экономики.

Россия в 2019 г. занимала 50-е место по размеру ссудного процента (чем больше абсолютные значения «места», тем хуже) (World Bank Open Data).

То есть, 49 стран предлагали своим предпринимателям и населению более дешёвые кредиты.

В настоящий момент, учитывая курс ЦБ РФ на увеличение ключевой ставки, процентные ставки по займам в российских банках стали ещё выше.

А значит, мы еще ниже откатились в международных рейтингах.

Отмечу, что все выше приведенные показатели финансового развития (financial development) у России долгие годы хуже средних даже по группе стран «с уровнем доходов ниже среднего» («lower middle income», классификация Всемирного банка, World Bank Open Data).

При этом, несмотря на «холодную» денежно-кредитную политику ЦБ РФ, **Россия занимает по уровню инфляции почётное 132-е место в мире из 163 стран (чем больше абсолютные значения «места», тем хуже) (2019 г., World Bank Open Data).**

Экономике от этого радости мало.

Всем понятно, что пока наша финансовая машина не наполнится энергией – монетизацией, дешёвыми и доступными кредитами под экономический рост, вложениями на рынке ценных бумаг, – она будет мелкой, неустойчивой, крайне деформированной, находясь в сильной зависимости от горячих денег, волатильности и шоков на глобальном финансовом рынке.

Мне могут возразить – а как же рекордный приток розничных инвесторов (количество частных инвесторов, имеющих доступ к биржевым рынкам «Мосбиржи», приблизилось к 14 млн человек – НБЖ)?

С начала этого года российские фондовые индексы выросли на десятки процентов.

Но не стоит разделять всеобщих восторгов.

Потому что **четверть века российский фондовый рынок существует как спекулятивный с очень глубоким участием нерезидентов.**

И это вторая серьёзная угроза для стабильности отечественной финансовой системы.

За 8 месяцев 2021 года на Московской бирже доля нерезидентов по акциям достигла 48%, по деривативам – 48%, по валюте, облигациям – 15-17% (Московская биржа).

В сегменте ОФЗ они стабильно контролировали более трети рынка (сегодня – чуть больше 20%) (на начало сентября 2021 г., ЦБР).

Во внебиржевых сделках доли нерезидентов могут быть гораздо выше.

Кем бы ни были эти нерезиденты – глобальными фондами, иностранными банками или брокерами, действующими за счёт собственных средств, – они пришли с абсолютно понятной спекулятивной целью – заработать сверхвысокую прибыль.

В основном, с помощью долгосрочной стратегии кэрри-трейд (carry trade).

И санкции Запада против РФ им не помеха.

Как ведут себя крупнейшие зарубежные инвесторы на российском финансовом рынке в роковые моменты, красноречиво показал кризис 1998 года.

После панического бегства капиталов возникает взрывная девальвация рубля и резко растут системные риски для финансового сектора и реальной экономики.

Мы это много раз проходили (2008/2009, 2014, 2018, 2020 годы).

И главное, что мы всё это будем проходить и дальше.

Как снизить эти угрозы?

К сожалению, новая «Стратегия развития финансового рынка» не отвечает на этот важнейший макроэкономический вопрос.

Более того, такая высокая доля участия нерезидентов создает и социальные угрозы.

Кто противостоит нерезидентам, которые правят бал на фондовом рынке России?

Крупнейшие российские банки? Финансовые «тигры»?

Статистика говорит, что нет, это не так.

По данным Московской биржи, им противостоят, прежде всего, розничные инвесторы.

В мелкой финансовой системе, при высокой зависимости от горячих денег, кэрри-трейда и внешних шокков, в случае возникновения очередного кризиса мы обрекаем розничных инвесторов на разбой и крупнейшие потери.

Третья многолетняя проблема – нарастающая сверхконцентрация денежных средств в Москве.

Во многих регионах России – «денежное опустынивание».

Причём объём денежных ресурсов в небанковских институтах, которые кредитуют предпринимателей и граждан, уменьшается быстрее, чем в банках.

Эту «болезнь» усиливает процесс огосударствления финансовых институтов.

Четвёртая проблема, которая стала нарастать с начала 2010-х годов, – это избыточная регуляторная нагрузка.

На российский финансовый рынок переносится повышенная тяжесть регулирования для банков и финансовых институтов, характерная для развитых стран.

Но такие правила игры не совсем годятся для таких развивающихся рынков, как российский.

Такие рынки всегда волатильнее, их игроки и инвесторы обязаны принимать на себя более высокие риски, чтобы финансировать ускоренный рост, модернизацию технологий и инновации в развивающейся экономике.

Но не могут, если регулирование – избыточно, если оно – преимущественно копия, слепок с регулятивных систем «старых рынков» в развитых странах.

Кроме того, стоимость регулирования занимает значительную часть в себестоимости финансовых услуг.

Из-за возросших административных издержек банковский рынок покинул ряд жизнеспособных игроков.

Эту же «чугунную нашлапку» мы распространили на инвесторов, создав для них очень жёсткую сетку правил. В результате это очень ослабляет интерес к инвестициям в российскую экономику на длинных горизонтах.

Важна ещё точка зрения на финансовые институты как объекты регулирования.

Часто ими занимаются специалисты монетарных властей (выработка правил, надзор за их исполнением), которые сами не имеют практического опыта работы в банках.

Это важнейшая тема – требования к банкирам из ЦБ, к их опыту, к их этике.

«Опыт надзора» как самая первая, самая крупная часть профессиональной карьеры формирует крайне негативное отношение к банкам и тем, кто работает в них, как заведомо нарушающим, желающим «избежать», «обойти», «присвоить» и т.п.

Вот ответ, полученный от специалиста 21-22 лет, работающего в надзоре центрального банка, не имеющего никакого опыта практической работы в банковской индустрии: «**Все они – негодяи!**».

Понимаете, мы сейчас обсуждаем глубинные проблемы финансового рынка, будучи негодями.

Конечно, у нас есть проблема сверхвысокого кредитного процента, искажения и сверхвысокой процентной маржи.

Но я себя спрашиваю: «При существующих олигополиях можно ожидать, что снизится процент по ссудам, по облигациям хотя бы до уровня 3-3,5%?». Я себе отвечаю – никогда!

Пятая проблема – вывоз капитала.

По расчётам, с середины 90-х годов частный сектор вывез из России больше 800 миллиардов долларов.

Не считая того, что вывезло государство в форме своих резервов.

Развивать финансовый рынок в экономике, которая обременена высокими налогами, высоким кредитным процентом, огромным количеством контролёров, избыточными резервами, из которого каждый год происходит крупнейшее кровотоечение капиталов, очень сложно.

С точки зрения решения макроэкономических проблем, инвестиций, формирования крупной финансовой машины, Стратегия даёт пока мало ответов.

Можно и дальше продолжать перечень проблем.

Академические круги и участники рынка имеют свои предложения по их решению.

Но мы терпеливо ждём, когда регуляторы с нами вступят в диалог, долгий, терпеливый, но не о

финансовых технологиях, а о финансовом развитии, о макроэкономических проблемах, с ним связанных.

О том, как из «денежного холодильника Россия» сделать крупную финансовую машину, занимающую 6–11 места в глобальных финансах.

Ждём уже 25 лет. Пора бы открыто и терпеливо поговорить об этом предмете, от которого зависят темпы роста, модернизация технологий и состоятельность российских семей.

А.Е. АБРАМОВ

к.э.н., заведующий лабораторией анализа институтов
финансовых рынков РАНХиГС, член совета директоров
НАУФОР

КАК В СТРАТЕГИИ ПРИМЕНЯТЬ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИНДИКАТОРЫ

Опубликованный проект Стратегии развития финансового рынка в Российской Федерации до 2030 г. (далее – Стратегия) не содержит ни одной цифры, характеризующей исторические тренды и перспективы развития.

Лишь где-то на 8 странице текста отмечается, что за 10 прошедших лет «... совокупные показатели финансового сектора демонстрировали положительную динамику по объему активов, капитала, оказываемых услуг», **во что трудно поверить, когда знаешь реальные цифры.**

Такие цифры мы и обсуждаем на сегодняшнем мероприятии. К сожалению, они не такие хорошие.

Даже простой анализ текста Стратегии внушает тревогу за судьбу, например, банков или фондового рынка.

В ней вообще нет раздела, посвященного перспективам развития банковского сектора за пределами экосистем, а к проблемам рынка капиталов адресованы всего две не вполне содержательные странички под номерами 28-30 из 33-страничного документа.

И это не формальность, поскольку из анализа Стратегии как раз возникает вопрос о том, как развитие тех же экосистем, государственной цифровой валюты и различных государственных проектов в сфере маркет-

плейсов, государственной системы быстрых платежей, платформ финансовой грамотности и удаленной идентификации граждан будут влиять на показатели глубины, эффективности и доступности финансовых институтов и финансовых рынков.

Отсутствие цифр в Стратегии, разрабатываемой Минфином, странно еще и потому, что данное ведомство является инициатором применения программно-целевого подхода к финансированию государственных проектов за счет бюджета.

В сфере финансовых рынков это реализовано в *Государственной программе Российской Федерации "Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков" на период 2021-2023 гг.*, где содержатся не только суммы расходов из федерального бюджета на данные цели, но и некоторые целевые показатели, которые Минфин рассчитывает достичь в своей деятельности.

Данный подход необходимо целенаправленно развивать и распространять на все государственные проекты развития финансового рынка.

В то же время, важно реалистично смотреть на возможности долгосрочного прогнозирования показателей уровня развития финансового рынка. В настоящее время в научной теории нет надежного инструментария прогнозирования финансовых показателей, таких как фондовые индексы, капитализация, объемы ликвидности, активы различных финансовых посредников и т.п.).

В публикациях встречаются подходы к прогнозированию на основании сложившихся трендов или нахождения оптимального уровня показателей на основе тех или иных межстрановых сравнений.

Данные методы сложно считать обоснованными, что, собственно говоря, и показал опыт построения прогнозных показателей на 10 лет в предшествующей стратегии финансового рынка на период до 2020 г.

Ожидания трендов ускоренного роста не оправдались, и лишь один прогнозный показатель, который оказался близким к фактическому значению – стоимость облигаций – фактически рос тем же трендом, что было и ранее, без каких-либо заложенных ускорителей его динамики.

Как могут применяться количественные индикаторы в Стратегии?

Прежде всего, оценки происходящего и предлагаемые меры по развитию финансового рынка в Стратегии должны опираться на тщательный анализ исторических рядов данных с глубиной не менее 10 лет.

Нами предлагается следующий подход.

За основу взять систему индикаторов финансового развития стран (Financial Development Index), предложенную Международным валютным фондом².

Рейтинг МВФ включает данные субрейтингов уровня развития отдельно финансовых институтов и финансовых рынков по трем критериям: их глубины, доступности и эффективности.

Другой альтернативой является база данных Всемирного банка – Global Financial Development Database³, в которой также отдельно для финансовых институтов и финансовых рынков разных стран отражаются 4 группы

2 <https://data.imf.org/?sk=F8032E80-B36C-43B1-AC26-493C5B1CD33B>

3 <https://www.worldbank.org/en/publication/gfdr/data/global-financial-development-database>

показателей, характеризующих их глубину, доступность, эффективность и финансовую стабильность.

Преимуществом рейтингов финансового развития МВФ по сравнению со Всемирным банком является более регулярное обновление показателей.

В рейтинге МВФ отражены последние текущие данные за 2019 г., а в рейтинге Всемирного банка – лишь за 2017 г.

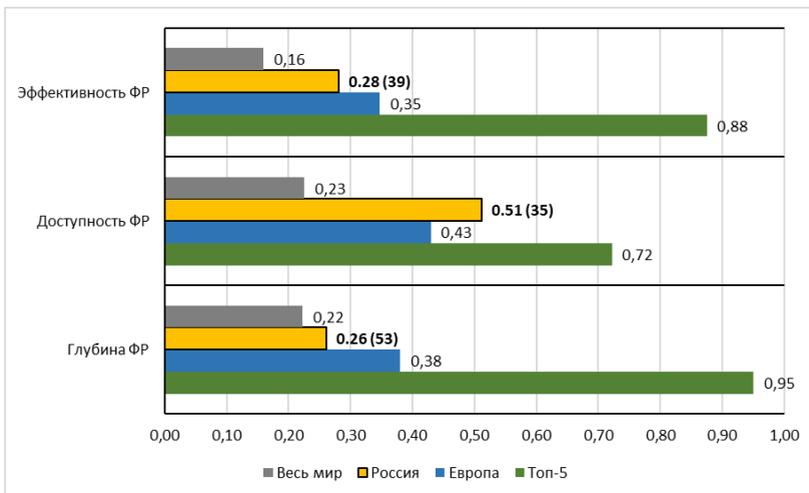
Проведя межстрановые сравнения по данным МВФ (рис. 1 и 2), мы выделили болевые точки российского фондового рынка.

Это касается в основном проблем глубины финансового рынка и глубины финансовых институтов.

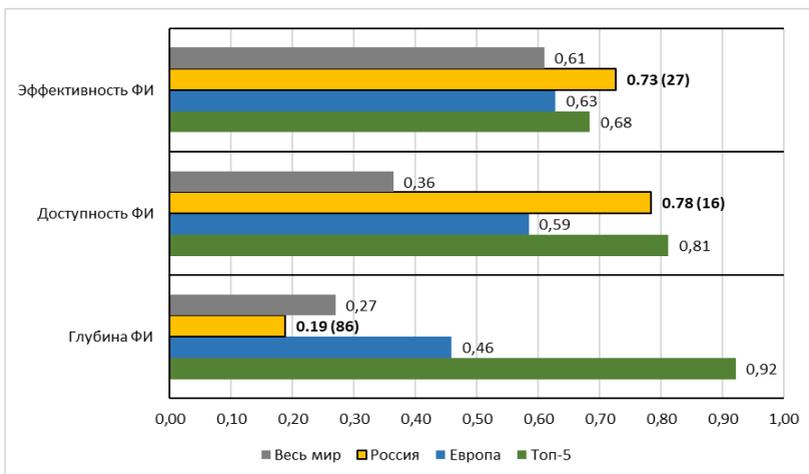
Глубина финансовых рынков (FMD) в рейтинге МВФ измеряется с помощью следующих показателей: капитализация/ВВП, объемы биржевых торгов акциями/ВВП, стоимость государственных еврооблигаций/ВВП, стоимость облигаций финансовых организаций/ВВП, стоимость облигаций нефинансовых организаций/ВВП.

Глубина финансовых институтов (FID) измеряется с помощью доли кредитов частному сектору в ВВП, стоимости активов пенсионных фондов/ВВП, стоимости активов взаимных фондов/ ВВП, размеров страховой премии/ВВП.

Рейтинги развития финансовых рынков в 2019 г.
в России, ЕС и в мире / Источник: расчеты
автора по данным МВФ

Рейтинги развития финансовых институтов в 2019 г. в России, ЕС и в мире / Источник: расчеты автора по данным МВФ

Конечно, отдельная проблема – это эффективность финансовой системы в части издержек разных институтов.

Издержки у нас, к сожалению, не то, что высоки, они очень высоки.

Но они и непрозрачны.

И инвестор, в основном, имеет очень искаженную картину того, что, чего и как стоит.

Поэтому, проведя такой исторический анализ, наверное, можно было бы выделить индикаторы финансовой глубины и издержек.

На втором шаге мы дополнили стандартный перечень показателей глубины финансового рынка и институтов рядом индикаторов, отражающими, по нашему мнению, ключевые «провалы» внутреннего рынка.

Например, в таких областях как:

- объемы сделок IPO-SPO российских ПАО на внутренних биржах,
- источники финансирования основного капитала,
- количество вновь выдаваемых лицензий профессиональных участников рынка ценных бумаг,
- чистые потоки иностранных портфельных инвестиций.
-

Получилось 12 показателей, которые приводятся в табл.1.

По большинству из них в Стратегии необходимы меры, улучшающие их динамику и позволяющие преодолеть существенное отставание от других крупных развивающихся рынков.

Табл. 1. Ключевые исторические показатели уровня развития финансового рынка Российской Федерации в 2011-2020 гг.

	2011	2018	2020
1. Доля капитализации национальных компаний к ВВП, %	53,5	38,2	48,1
2. Количество национальных компаний в листинге российских бирж	283	221	213
3. Объем сделок IPO-SPO российских ПАО на внутренних биржах к ВВП, %	0,5	0	0,04
4. Стоимость внутренних корпоративных облигаций к ВВП, %	5,7	11,5	15,2
5. Стоимость пенсионных накоплений и резервов к ВВП, %	4,1	5,4	6,0
6. Активы страховых организаций к ВВП, %	1,3	2,8	3,1
7. Доля активов банков к ВВП, %	68,3	90,6	106,0
8. Доля банковских кредитов частному сектору к ВВП, %	41,7	51,2	60,0
9. Доля банковских кредитов в структуре источников инвестиций в основной капитал, %	8,6	11,2	10,0
10. Доля стоимости чистых активов открытых, интервальных и биржевых паевых инвестиционных фондов к ВВП, %	0,2	0,3	0,6
11. Количество вновь выданных за год лицензий профессионального участника рынка ценных бумаг, штук	181	22	10

12. Чистый приток (принятие обязательств) иностранных портфельных инвестиций в форме участия в капитале к ВВП, %	-0,5	-0,3	-1,0
--	------	------	------

Прогнозировать указанные в табл.1 показатели на будущее, по нашему мнению, смысла нет.

И в докладе Бориса Рубцова по аналогичным показателям на 2030 г. стоят знаки вопроса.

На многие показатели финансового развития влияют не зависящие от регулятора факторы, и мы вряд ли сможем построить какие-либо регрессии, объясняющие сложный трансмиссионный механизм влияния Банка России и Минфина на указанные показатели.

На эту тему, вероятно, целесообразно проводить углубленные исследования, но пока такой механизм затруднительно описать спрогнозировать его работу.

Однако, что можно сделать в части прогнозов на будущее?

Стоило бы в полной мере описать те инструменты, с помощью которых государство может воздействовать на финансовый рынок.

В действующей Стратегии они описаны не полностью.

Государство может воздействовать на рынок с помощью денежно-кредитной политики, налоговой, бюджетной (ФНБ) и экономической политик, улучшения инвестиционного климата, регулирования, надзора и повышения уровня образования людей.

В Стратегии необходимо объяснить, как будут использованы все указанные инструменты.

Возможно, имеются разумные ограничения для использования таких инструментов как ДКП, налоговая или бюджетная политика.

Но совсем не ясно, почему, например, Правительство РФ и Банк России отказываются от мер улучшения инвестиционного климата, или почему даже в таких областях как защита прав инвесторов регуляторы ничего не сказали о проблеме асимметрии информации и необходимости создания более прозрачного для инвесторов рынка.

На основании анализа исторических трендов развития финансового рынка и институтов необходимо на 2-3 страницах изложить цели на будущее, с точки зрения улучшения тех или иных показателей.

Здесь не обязательно выставлять количественные ориентиры, но можно сформулировать четкие цели по каждой из выявленных проблем.

Например, регулятор будет стремиться ускорить рост капитализации национальных компаний, измеряемой с помощью индикатора капитализация/ВВП за счет таких-то мер.

Я бы назвал такие 2-3 странички Декларацией развития, в которой на основе проведенного анализа трендов регулятор формулирует свои цели и ориентиры и объясняет обществу, какими конкретно мерами эти цели и ориентиры будут достигаться.

Это необходимо не только, и даже не столько для того, чтобы в дальнейшем надзорные органы проверяли исполнение Стратегии самим регулятором – Минфином и Банком России, а для того, чтобы общество, финансовый бизнес и инвесторы мог-

ли оценить выгоды от реализации предложенной Стратегии.

Стратегию с такой декларацией развития можно рассматривать как своего рода общественный договор между всеми участниками финансового рынка, когда становится понятно, зачем финансовые организации будут нести дополнительные издержки, а инвесторам понятно, зачем кто-то усложняет и ограничивает их права на те или иные финансовые сделки.

Конечно, можно возразить, что сейчас не время подобных институтов как общественный договор.

Ради финансовой стабильности и каких-то иных благ регулятор сам вынужден брать на себя бремя разработки Стратегии и ее реализации...

Однако необходимо понимать, что называем ли мы предлагаемые меры общественным договором или нет, это не меняет сути уже складывающихся общественных отношений при разработке Стратегии.

Здесь в любом случае формируется общественный договор, но только он может быть между государством и очень узкой группой заинтересованных лиц.

Назовем их экосистемами или иными терминами – это не важно.

Важно то, чтобы Стратегия не стала таким узким и несправедливым договором, а была бы документом, где широкий круг участников рынка понимает и разделяет выгоды от его реализации.

Сегодня этого нет, поэтому необходимы изменения.

Раздел II. Дискуссия: реплики, вопросы, комментарии

И.В. БЕЛИКОВ

генеральный директор

НП «Российский институт директоров»

Развитие фондового рынка, на мой взгляд, это часть общей стратегии развития экономики страны.

В России эту стратегию в настоящее время полностью определяет государство.

Предложения, которые не принимают во внимание того, что представляет собой нынешнее российское государство с точки зрения логики его функционирования, преследуемых им интересов, на мой взгляд, представляют собой вариации в духе известного персонажа «Мертвых душ» – «А хорошо бы, душенька, через этот пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы».

В некоторых выступлениях прозвучала мысль о важности заключения договора между государством и обществом, частью которого станет программа развития фондового рынка, которая приблизит российский рынок к рынкам развитых стран.

Что разработать такой документ не составит большого труда, а государство с готовностью возьмет его в качестве программы своей работы.

Главное – это усилия экспертов по разработке такого документа. На мой взгляд, такой подход крайне далек от реальности.

Если мы посмотрим большую часть независимых анализов тенденций общественного развития за последние 10-12 лет, прогнозов и оценок того, куда движется государство, которые опубликованы в по-

следнее время, мы увидим, что до общественного договора весьма далеко.

Скорее, наоборот, процесс идет в обратную сторону.

Поэтому, если мы не включаем в наши дискуссии наш анализ тенденций того:

- **что представляет собой нынешнее государство,**
- **каковы его отношения с обществом,**
- **в какую сторону оно развивается,**
- **какие рамки для отношений с обществом оно задает,**
- **какие цели преследует,**

то рассуждения наши будут иметь характер не более, чем wishful thinking – благих пожеланий.

Конечно, такой анализ, как бы помягче сказать, может оказаться весьма некомфортным.

Но, на мой взгляд, можно попытаться его вести, вынося за его рамки чисто политические выводы.

Например, с точки зрения того, как меняются рамки, задаваемые государством в его отношениях с обществом, в каком направлении они эволюционируют, с какой скоростью, что представляет собой «искусство возможного» в этих рамках, в нашем случае – с точки зрения развития фондового рынка.

Без глубокого анализа того, что представляет наше государство и как оно взаимодействует с обществом, в чем оно видит свои интересы, как, на их основе, понимает целевое устройство экономики и управление ею, наши дискуссии и предложения будут сводиться только к – «надо ...» и «а давайте ...».

Уважаемый Владимир Гамза в своем докладе начал с национальных целей, которые определил Президент РФ в своих поручениях и посланиях. Это все правильно, конечно, каждый чиновник должен выполнять поручения Президента.

Но обращаю ваше внимание, что нет ни в поручениях Президента, ни в национальных целях, ни в национальных проектах фактически ничего, что относится к компетенции Центрального банка или к развитию финансовых рынков. Там показатели социального развития, макропоказатели, наше технологическое развитие. Это компетенция уровня Президента.

Может сложиться впечатление, что Центральный банк волен самостоятельно выбирать свои направления действия, потому что никакая сила свыше ему ничего не сказала ни про капитализацию рынка, ни про конкуренцию, ни даже про уровень инфляции.

Действительно, по Конституции Центральный банк у нас действует независимо, очень блюдет эту свою независимость, очень щепетильно к ней относится, чтобы никто на нее, не дай Бог, не покусился.

Существует отрыв развития нашего реального секторного и экономики России от финансового сектора. Об этом хорошо и подробно сказал Яков Моисеевич Миркин, не буду повторять, это действительно так.

Существует определенный не то чтобы конфликт, но такая дихотомия между функциями и компетенциями Правительства, и функциями и компетенциями Банка России как мегарегулятора.

С одной стороны, Центральный банк у нас, действительно, независим и выполняет все свои функции.

С другой стороны, те функции, которые он независимо выполняет, имеют прямое влияние не только на его поднадзорные организации, на НПФ или банки, но и на экономику в целом. И на предприятия реального сектора.

Когда он устанавливает ключевую ставку, когда он выбирает, что он поддерживает ипотечное кредитование и не поддерживает потребительское кредитование, тем самым он выбирает, что отрасль строительства должна развиваться в более льготных условиях, чем отрасль производства товаров ширпотреба. И так далее.

То есть, пересечение компетенции Правительства, которое, вроде бы, отвечает за реальный сектор, с компетенцией Банка России, который отвечает за сектор не реальный.

Банк России сам поставил себе в свое время какие-то ключевые показатели КРІ. Он был волен себе поставить любые КРІ, он их выбрал. И он их, мягко говоря, не во всем достиг. 8 из 13 показателей не были достигнуты. Причем, это было в благоприятный период развития финансового рынка.

Это было до пандемии, между глобальными кризисами. Это было после кризиса 2008 – 2009, даже после кризиса 2014 и до кризиса 2020 года. 5 из 7 значеный показателя развития финансового рынка, которые Банк России сам себе поставил, тоже не были достигнуты.

При этом план мероприятий, в который были включены несколько десятков пунктов – принять такой-то закон, принять такое-то постановление, были выполнены почти на 100%, точнее на 98%.

То есть КРІ не достигнут в большинстве своем, а план мероприятий достигнут в большинстве своем. Мы сделали определенные выводы и рекомендации.

Очевидно, когда выполняется план мероприятий – это хорошо. Но от выполнения этого плана не сильно улучшилось состояние финансовых рынков.

Например, сегодня уже упоминали правительственную стратегию по построению в Москве международного финансового центра.

Правительство отчиталось, что эта стратегия выполнена по всем показателям на 100%.

Вплоть до того, что на улицах Москвы развешены указатели на иностранных языках.

То есть, программа выполнена, а международного финансового центра нет. Говорить о нем пока что серьезно даже не приходится. Это один вопрос.

Второй заключается в следующем.

KPI. Вроде бы регулятор сам себе мог ставить те показатели, которые сам бы мог и достигнуть. Тем не менее, даже в благоприятных условиях они не были достигнуты.

Спасибо Центральному банку, он прочитал внимательно эту стратегию, принял определенные решения, я так понимаю, в том числе и кадровые, и предложил новый вариант.

Два документа. Один – стратегия-2030, другой – основные направления развития финансового рынка на трехлетнюю перспективу.

Что исправили?

Теперь стратегия-2030 совместная, скорее всего, там будет две подписи. Кого-нибудь из руководителей правительства или премьера, или первого вице-премьера. И подпись председателя Центрального банка.

То есть, исполнительные власти, Банк России берут на себя совместную ответственность за регулирование финансового рынка.

Напомню, что в законе о правительстве до сих пор записано, что правительство регулирует рынок ценных бумаг, правительство обеспечивает единую денежно-кредитную политику.

Это хорошо, что уже два крупных уважаемых ведомства за это взялось.

Поменяли индикаторы, резко сократили их количество.

И авторы, особенно со стороны Центрального банка, высказывали идею, что **нам вообще не нужны количественные индикаторы, что мир меняется так быстро, что невозможно до 2030 года ничего предсказать.**

Какую бы цифру ты не поставил, она не будет иметь ничего общего с реалиями через несколько лет. Надо указывать, например, направление развития, отслеживать динамику, а не количественные показатели.

В качестве примера.

Правительство много лет назад взяло за ключевой индикатор место в международном рейтинге Doing Business.

И, действительно, все правительственные чиновники тогда сплотились, поработали над этим и добились повышения места в рейтинге на несколько десятков пунктов.

Вошли в лидеры за несколько лет, лидеры по росту.

Лучше от того, что мы стали лидерами по рынку Doing Business, мало кому стало.

Сейчас Международный валютный фонд, Всемирный банк поставили под сомнение вообще этот рейтинг.

Скандал, главу МВФ снимают с должности за то, что она манипулировала этим индексом. Кому хорошо – не очень понятно.

В итоге Банк России на этих основных направлениях развития финансового рынка остановился на пяти индикаторах.

Обратите на них внимание.

Два из них относятся к уровню цифровизации на финансовом рынке для юрлиц и для физлиц.

Один – это отношение активов к ВВП финансового рынка. Один – это степень удовлетворенности потребителей.

И еще один – это оценка финансовой стабильности, которая публикуется Банком России два раза в год в отчете о финансовой стабильности.

Конечно, это хорошие индикаторы, но цифровизация сама по себе не значит увеличение счастья или несчастья.

От того пользуюсь я цифровыми технологиями или аналоговыми, само по себе не растут ни мое благосостояние, ни мое удовлетворение.

Это хороший показатель, но непонятно, почему он должен быть рассчитан как целевой.

Степень удовлетворенности и степень финансовой устойчивости – это тоже хорошие показатели.

Должна быть и устойчивость, и удовлетворенность.

Но это показатели, которые рассчитываются по опросам, которые проводит Банк России по методологии, которую сам же Банк России и разработал, и которую невозможно придумать со стороны.

Они не верифицированы.

Никакой внешний аудит не может подтвердить удовлетворенность, неудовлетворенных потребителей, которые пишут жалобы в Банк России.

Хороший показатель, но его нельзя подтвердить.

Остается один показатель. Это отношение финансовых активов к ВВП.

Он легко проверяется, он известен, но он тоже сам по себе не является показателем – хорошо или плохо.

То, что у нас растет количество чего-то, не есть хорошо или плохо. Но, скорее всего, именно в таком виде будут приняты и основные направления стратегии. С чуть-чуть другими показателями.

На мой взгляд, большая проблема различного рода стратегий, в том числе и стратегий финансового рынка в том, что государство заявляет о том, что оно делает такие-то шаги.

Участники рынка верят государству, подстраивают свои бизнес-процессы под эти шаги государства.

А потом реальная жизнь со стратегией не соотносятся.

У нас очень много принципиальных государственных революционных решений не было прописано ни в каких стратегиях.

Ни в какой стратегии у нас не было написано про заморозку пенсионных накоплений.

Ни в какой банковской стратегии не было написано, что у нас будет разделение банков, одни получают универсальные, другие – базовые лицензии.

Зачем, я как эксперт, не очень понял.

Что теперь делать с банками с базовой лицензией, регулятор тоже, кажется, не очень понимает.

И почему все это случилось, хотя стратегией этого не предусматривалось.

В стратегии 2030 про банки – минимум.

Про страховщиков или брокеров написано больше, чем про банки.

Я спрашивал авторов стратегии, почему, вы не пишете про банки?

Банковский сектор у нас самый большой и по количеству активов, и по количеству потребителей, и по мощностям, и по технологическому развитию.

Они мне честно сказали, мы считаем, что к 2030 году функция банков как таковая будет размыта.

Может быть, и не надо будет говорить о банках, их все растащат по экосистемам, по финансовым посредникам других типов.

Спорное заявление, но банкиры должны ответить себе на простой вопрос, собираетесь ли вы жить до 2030 года?

В любом случае, теперь Центральный банк будет каждый год перед Государственной Думой отчитываться о выполнении этой стратегии.

Кое с чем я согласен, кое с чем нет. Я перечислять не буду, а некоторое резюме попытаюсь сделать.

Один мой дядя был моряком и ни много ни мало главным механиком Черноморского спасательного флота. То есть он хорошо знал, от чего зависит живучесть корабля в море.

И он мне, когда я был мальчишкой, объяснял, как важно красить палубу. Но при этом добавлял, что если есть дыра под ватерлинией, то красить палубу бесполезно.

Сегодня несколько раз было произнесено словосочетание «общественный договор». Самый важный наш общественный договор состоит в том, что нельзя заглядывать под ватерлинию. И мы этого не делаем.

Самые смелые из нас опускаются чуть-чуть ниже палубы, но никак не до ватерлинии. Если мы вопрос о дыре под ватерлинией не решим, все разговоры бесполезны.

Есть такое слово – мантра. Я придумал от него производную – мантризация. Наши обсуждения научных и практических проблем подверглись мантризации.

В советскую эпоху, в хрущевские давние времена у меня был знакомый. По-видимому, большой проходимец.

Как известно, Хрущев сокращал расходы на оборону, потому что заботился о росте экономики. Так вот, мой знакомый утверждал – вполне возможно, врал – что это он придумал мантру, что военная промышленность тянет за собой экономику.

Мантризированное рассуждение такое: чтобы собрать танк надо потратить средства.

Собирается танк из деталей. Значит, эти детали надо произвести.

Дальше не говорилось, что на производство деталей тоже надо потратить средства, а утверждалось, что производство деталей «потянет за собой экономику, заставит её расти». (После краха СССР, надорвавшегося на своих военных расходах, эта мантра звучит особенно трогательно.)

Военная мантра сейчас переложена на жилищное строительство. Нас нередко убеждают, что жилищное строительство является паровозом экономики. Как чистый расход может быть паровозом, очень трудно объяснить, но не для мантризированной логики.

Если бы надо было потратиться только на сборку дома, то экономического рывка бы не было или он был бы маленьким, а если учесть расходы на производство бетона, кирпича, стекла, краски и т.д., то прогресс будет грандиозным.

Мне, правда, кажется, что прогресс будет такой же, как в конце гётевского «Фауста», хотя ослепший герой великой трагедии, надо ему отдать должное, свой локомотив экономического прогресса всё же соорудил на базе производственного строительства.

Не уступающая в эксцентричности мантра придумана для фондового рынка. И сегодня эта мантра была произнесена: если вы вкладываете деньги в фондовый рынок надолго, то вам источник дохода не нужен. Просто, извините, еще одно слово придумал, из долготы вложения вытекает ваш доход.

Мне повезло в жизни, я учился у академика Колмогорова и доцента Аганбегяна.

Академик Колмогоров мне высказывал некоторые общие научные принципы, например, принцип сохранения.

Доцент Аганбегян объяснял, как общие принципы проектируются на экономику.

Ни у одного из студентов Абеда Гезевича никогда не возникало сомнения, что съесть можно только то, что произведено, добыто, то есть, говоря современным языком, кусочек ВВП.

Следовательно, для того, чтобы мы могли надеяться, что на фондовом рынке можно будет заработать, мы должны верить в то, что в следующие, скажем, 10 лет ВВП заметно вырастет.

В предыдущие 10 лет наша экономика росла меньше, чем на 0,8% в год.

Это, если считать в рублях. Если в долларах, – то она катастрофически «просела».

Для того чтобы нам не только на транзакционные издержки хватило денег, но ещё осталось на «заработок» 14 миллионам вышедшим на фондовый рынок согражданам, в следующие 10 лет необходим существенно более заметный рост ВВП.

Совершенно очевидно, что, если мы не заглянем под ватерлинию, не справимся с той дырой, которую там эта революция сверлит, то в следующие 10 лет нам не светит никакой рост ВВП – даже на 0,8% в год, даже в рублях.

А справиться с дырой будет несравненно труднее, чем повторять мантру о доходности долгосрочных вложений.

Два слова о финансовых консультантах. Я знаком с десятком из них. Невежливо задавал им вопрос об источнике.

Не то что не понимают вопроса – не слышат.

Прежде всего, хотел сказать, что, на мой взгляд, это самое лучшее, с точки зрения содержания и глубины, заседание.

Доклады, которые представили коллеги, по разным аспектам финансового рынка, его развития, и по итогам программ были исключительно содержательные.

В качестве дополнения.

Первое – не нужно злоупотреблять показателем валовый продукт по паритетной покупательной способности.

Наряду с этим все-таки нужно считать и валовый, и внутренний продукт по рыночному курсу рубля.

И тогда место России не 4-е, а, наверное, сейчас 14-е, или что-то в этом духе.

Последние 10 лет нас по уровню экономического развития, а именно по валовому продукту на душу населения превзошли 6 стран, которые раньше от нас отставали, в том числе основные постсоциалистические страны Европы и некоторые развивающиеся страны, и так далее.

Потому что валовый продукт по рыночному курсу имеет вполне реальные очертания и значимость.

Поскольку мы же по рыночному курсу покупаем оборудование, по рыночному курсу выплачиваем долги довольно большие, более 100 миллиардов долларов в год в среднем, и осуществляем многие другие операции.

Что сказать о направленности инвестиций.

Здесь был вопрос: куда тратить инвестиции?

Прежде всего на технологическое перевооружение действующих предприятий.

Нужно начать массовое технологическое перевооружение действующих предприятий с окупаемостью 5-7 лет.

Это огромные деньги, дополнительно надо 2 триллиона ежегодно.

Второе – создание новых производственных мощностей, прежде всего высокотехнологических производств, по доле которых мы отстаем в 4 раза от развитых стран и вдвое от постсоциалистических стран, развивающихся стран.

Еще 2 триллиона.

Мы имеем самую отсталую в мире инфраструктуру.

Мы не имеем двухсторонних автострад сколь-нибудь длинных, тем более скоростных железных дорог, ни одной.

Мы не имеем региональных аэропортов; их нужно, по крайней мере, тысячу в стране.

Порты наши очень слабенькие. Мы проводим большое строительство. И так далее. Это, конечно, больше 2 триллионов ежегодно.

Никто как-то не обратил внимание на аспект инвестирования не только в уставной капитал, но ведь есть и человеческий капитал.

Нам нужно инвестировать в образование, мы 120-е по международному рейтингу в финансировании образования, который делает ООН по 189 странам.

Мы 4% тратим на образование против 7-8% в нормальных странах.

И с каждым годом пятимся здесь назад по рейтингам качества уровня образования, которое у нас пока еще остается достаточно высоким – 33 место.

И вложение в человеческий капитал – это вложение в здравоохранение, где мы в 2019-м году занимали 140-е место среди тех же 189 стран: 5% против 11% в Европе, 17% в США, и так далее.

Даже в Китае 7%.

Затем, нам нужно давать людям триллионы кредитов на профобразование, как в других странах, на 15-20 лет под 3% годовых, а для кого-то и под 0%, чтобы люди получали образование.

У нас катастрофически растет неравенство в образовании.

Это самое плохое – неравенство.

У нас закрепляется разница между образованием богатых и бедных невозможностью людей даже с низким средним доходом послать своего способного сына куда-нибудь учиться.

Потому что нет денег на дорогу, нет денег ему на жилье, на питание.

При нашей зарплате это невозможно, если вы работаете на селе, если вы работаете в малом городе; там средний душевой доход 20-25 тысяч рублей, а не 35 тысяч как в среднем в России, не 45 тысяч как в крупных городах.

А это 50-60 миллионов человек. Вложения в человеческий капитал, инвестиции крайне важны.

Совсем никто не говорил про золотовалютные резервы.

Мы с 2017 года потратили более 15 триллионов рублей, а это большая часть валового продукта, на покупку золота, евро и долларов.

И нарастили наши золотовалютные резервы до рекордного уровня – 618 миллиардов долларов.

Мы достигли уровня золотовалютных резервов США, где народа в 2,5 раза больше, чем нас.

И наши золотовалютные резервы больше, чем резервы Германии, Великобритании, Франции, Италии вместе взятых, где на 60 миллионов больше населения, чем у нас.

И продолжаем покупать. И не тратим.

Никто не помнит, видимо, высказывание Наполеона, что богатство состоит не в накоплении сокровищ. Богатство, говорил Наполеон, состоит в эффективном использовании имеющихся сокровищ, а не в том, чтобы сидеть на сундуках, набитых золотом и валютой, и так далее.

Нужна заинтересованность вкладывать деньги в свою страну.

У наших предприятий нет такой заинтересованности.

В 2018-2019 годах финансовый результат всех предприятий и организаций страны вырос на 72%.

Мизер был потрачен из этих денег на рост зарплат, еще меньше – на рост инвестиций.

Но очень сильно прибавились деньги на их счетах, на покупку иностранных бумаг и в офшорах.

400 миллиардов долларов, по данным Бостон консалтинг групп, есть перечень, у кого эти 400 миллиардов долларов лежат на офшорных счетах.

И десятки миллиардов прибавились за эти годы. В том числе и в 2020 году довольно много покупали – в кризисном году.

В то время как, если вы вспомните кризис 2009-го года, мы там истратили 211 миллиардов из золотовалютных резервов меньшего объема для того, чтобы все-таки выйти из кризиса, обеспечив послекризисный подъем.

Мы за два года достигли и даже немного превзошли докризисные показатели. Это 2010-2012 годы.

С инвестициями финансовых рынков связано существование стагнации.

Главная причина стагнации с 2013 года состоит в том, что у нас на 27% по всем государственным линиям и по всем линиям предприятий, подчиненным государству и концернам, сократились инвестиции.

Они были 50%, сейчас стали 40%.

Это привело к приросту частных инвестиций на 10% за этот период, три года.

У нас общие инвестиции в основной капитал снизились на 11%.

Оттуда началась стагнация, которая, конечно, была подхвачена. Она началась за полтора года до присоединения Крыма, до санкций, до снижения цен на нефть.

Но потом она привела к рецессии в 2015 году, именно, в значительной мере, из-за санкций и снижения цен на нефть со стороны Саудовской Аравии, ОПЕК и так далее.

И главный виновник стагнации – Центральный банк и Минфин с его сокращением бюджета, в том числе и инвестиций в бюджете.

Инвестиции кредитные тоже снизились в эти годы. Это тоже крайне важный момент.

Ничего не было сказано о внебанковских фондах длинных денег, в которых в развитых странах и ряде развивающихся стран денег больше, чем объем валового продукта.

Это не только накопительные пенсионные, это страховые накопительные фонды, это то, что мы называем паевые фонды.

На Западе они иначе называются. Там совсем другие деньги лежат. Это венчурные фонды и ряд других таких фондов.

Центральный банк занимается этим, но за годы его занятий ничего не продвинулось и даже практически ничего не выросло.

И еще я хотел сказать о том, что мы крайне нуждаемся в финансовом плане как части народнохозяйственного планирования.

Я лично считаю, что без перехода к народнохозяйственному планированию нам не удастся перейти к социально-экономическому росту.

Вообще, без резкого поворота банковской системы к проблеме экономического роста как главной проблеме, чем должны заниматься банковская система и Центральный банк, экономического роста не может быть.

Потому что банковские активы – это главное. А из этих активов формируется 8-10% инвестиций. То есть, ничего.

Я соглашусь с Абе́лом Гезевичем, что, действительно, удивительно содержательные доклады были сегодня.

Здесь много можно сказать про них.

Но главный вопрос все-таки – финансовая система лучше экономики, такая же как экономика или хуже экономики?

У меня такое ощущение, что все-таки финансовая система работает для себя, никакого нет влияния на экономическое развитие.

Вообще не понимаю, почему при стагнации увеличиваются доходы банков, они этим гордятся, президенты их хвалят.

Вообще, мне кажется поразительным. Но так случилось.

И финансовая система вся спекулятивная. Но у меня есть такое ощущение, что нет простого решения, что нужно делать.

Дело не только в том, что общественного договора не может быть в стране, в которой авторитарный тренд уже очень мощный, нет никаких равноправных отношений между субъектами экономической и не только экономической деятельности, хотя это, наверное, главное.

Все-таки я думаю, что, когда Абе́л Гезевич говорит, что в стагнации виноват Центральный Банк, мне кажется, это преувеличение все-таки.

Потому что Центральный Банк работает в той экономике, в какой она существует. В той обстановке, в какой она существует.

А существует она в ситуации, когда никто не знает, куда тратить деньги. То, что Абел Гезевич назвал эти сферы, это абсолютно правильная история.

А почему этого не происходит?

Простой вопрос, почему этого не происходит? Они знают, что не удастся ничего сделать.

Я другого ответа не вижу на этот вопрос, не удастся.

Поэтому нужно тратить деньги только тогда, когда мы точно знаем, чем кончится это самое действие наше.

Остальное будем копить, смотреть.

Там у нас холодная война начинается, черт знает, что будет. И вообще мы в смуту вступаем мировую.

Поэтому это, может быть, лучше всего, то, что происходит.

Я думаю, что здесь нужны принципиальные какие-то решения. Но они должны быть выработаны на основе дискуссии равноправных сторон, чего близко и нет.

Поэтому я большим уважением отношусь к Якову Алексеичу Миркину, к его сценариям, они очень серьезные.

Но я все время вспоминаю, когда Виктор Ивантер руководил институтом, я говорил, а что, Витя, у тебя прогнозы не совпадают? Он говорит, ну, они же нас не слушают, поэтому и не совпадают.

Я думаю, что такая же история примерно с вашими сценариями.

Хотя, конечно, история имеет значение. Но в данном случае уж больно особая ситуация в России случилась, которая предполагает каких-то совершенно уникальных решений, спасибо.

Я вынужден немного, если так можно сказать, «приземлить» нашу дискуссию.

Прозвучали слова про конкуренцию. Я просто отвечаю, на каком уровне отражения этой темы «находятся» обсуждаемые документы. Почему, говоря о стратегии и основных направлениях, я говорю «документы»?

Первое, проект основных направлений на следующие три года был опубликован раньше.

Второе, если вы сравните с проектом стратегии 2030, то вы не увидите принципиальной разницы.

Но я затрону только то, как отражена тема конкуренции в этих документах.

Так вот, когда мы говорим, что в стратегии должно быть видение будущего, некие количественные показатели, которых мы хотим достичь, то, понятно, что должен быть еще инструментарий для достижения этого будущего.

Для понимания или представления уровня проработки надо посмотреть, какой инструментарий будет использоваться для того, чтобы понять, где мы находимся с точки зрения развития конкуренции.

Все, что вы найдете в этом отношении и в проекте Основных направлений, и в проекте Стратегии – это всего лишь анкетирование участников рынка об уровне развития конкуренции. Понимаете?

Это как начальник тюрьмы будет спрашивать у заключенных, нравится ли вам, как вас содержат...

То есть, даже всем известные методологические подходы к тому, как измерять уровень развития конкуренции не нашли отражения в этих «документах».

Это одна из тех проблем, которые точно отражают текущую ситуацию.

Сейчас, по большому счету, вся дискуссия о регулировании конкуренции в финансовой сфере сводится к тому, как не допустить одну большую экосистему задавить несуществующие экосистемы других банков.

У нас проблемы, вызванные отсутствием конкуренции, разве только в этой части жизни финансовых рынков?

И второй вопрос.

И в стратегии, а еще раньше и в проекте основных направлений на первое место ставится человек. Его интересы, его защищенность на финансовом рынке и прочее, прочее.

А дальше, периодически, и в том, и в другом тексте проскакивает фраза – «поведенческое регулирование».

Я понимаю, что такое поведенческий надзор, и понимаю, что такое регулирование.

Но «поведенческое регулирование», мне кажется, очень точно отражает общую ситуацию, где и как мы находимся, а также и каким должно быть регулирование защиты прав потребителей финансовой структуры.

Еще раз повторю, что и в том, и в другом документе это, в буквальном смысле, указано в первых строках.

Но никаких специальных мер по развитию регулирования защиты прав потребителей финансовой услуги, с точки зрения рынка, никаких системных мер для защиты прав потребителей, пользователей финансовых услуг нет.

Давно пора принять специальный закон о защите прав потребителей финансовых услуг, определить в нем, как регулируется поведенческий надзор, как он

осуществляется и даже создать единый орган такого поведенческого надзора в сфере оказания финансовых услуг физическим лицам.

Тогда человек и окажется в центре действий финансового рынка.

Ну, а пока, получая кредит, потребитель должен недовольство свое выражать на разных стадиях жизни продукта выражать то в ФАС, то в Роспотребнадзор, то в ЦБ, то финансовому уполномоченному, а то и в ФССП... Один человек и всего лишь один финансовый продукт...

Это яркий пример того, почему даже заявленные цели не каскадируются в реальные действия, в реальные программные шаги.

К сожалению, я мало что могу сказать о состоянии нашего финансового рынка. Далекая от меня тема в профессиональном и личном смысле. Но тем не менее, сегодняшняя дискуссия была интересна и мне, вот в каком отношении.

В моих представлениях, сложившихся со студенческих лет, когда мы изучали марксистскую политическую экономию, финансовая система воспринималась как выражение и продолжение экономики, а царящая в ней стихия (скачки курса и пр.) – как следствие её рыночной формы. Из сегодняшнего обсуждения я понял, что такое понимание является как минимум поверхностным.

Самое важное, что для себя усвоил, состоит в том, что финансовая система, как она сегодня представлена в обществе, замкнута на саму себя. И мало сказать: она оторвана от реальной экономики, от других сфер жизни и приобрела по отношению к ним статус определяющей силы.

Сверх того, существует иллюзорное представление, будто показатели финансовой системы являются основными характеристиками состояния нашей экономики, социальной сферы, науки, да и, в целом, исторического места и веса нашей страны в мире.

Деньгами измеряются не только общественные ценности, они сами стали высшей ценностью.

Реальность такова, что финансовая система – не зеркало общественного производства, а основной фактор, определяющий его состояние и развитие.

Тогда становится понятным, почему наша публичная жизнь пронизана тем, что когда-то называли

торгашеским духом, словно валютный курс является едва ли не основным показателем состояния и динамики общества, а сводки биржевых курсов и списки Форбса – самыми важными новостями дня.

Речь шла о финансовой системе, а какие-то тайные тропы моей мысли привели к размышлению о вопросе, который мы ставили перед собой и обсуждали на протяжении последних трёх лет: а знаем ли мы общество, в котором мы живем?

Каждая вещь имеет своё название. Вещь, которая не имеет названия, в реальности, конечно, может существовать, но её не существует в интеллектуальном и публичном пространстве.

Имеет ли наше сегодняшнее российское общество своё название?

Это, конечно, вопрос для философов, но отнюдь не философский вопрос.

Он имеет насущное значение. Не решив его, нельзя также создать прочную национальную финансовую систему, как, впрочем, и без такой системы общество не сможет выработать своё самосознание и адекватно назвать себя.

Где мы находимся, если рассуждать в привычных понятиях социализма и капитализма, по какому историческому вектору мы выстраиваем свою стратегию в реальной экономике, государственном строительстве, национальной политике?

Принято считать, что у нас, правда, в дикой, искаженной форме, но, тем не менее, сложились капитализм, рыночная экономика.

Послушав сегодня коллег, которые профессионально знают состояние экономики и финансовой системы, рассуждают не на уровне общих положений и политической демагогии, а на основе кон-

кретных фактов, реальных тенденций, складывается впечатление, что, **оказывается, у нас проблема не в рыночной экономике, а в её отсутствии.**

Есть какая-то внутренне разрушающая неопределенность в вопросе о социальном качестве нашей экономики, нашего общества, а, следовательно, и самой линии развития страны.

Отсюда и низкое качество многочисленных стратегий, которые не только не являются действенными, но не имеют даже идеологического значения.

Люди, общественное поведение которых они призваны ориентировать, их просто не знают и не интересуются.

Многое говорит о том, что мы слишком быстро и поспешно, без плана, без подготовки, стихийно и кто во что горазд, бросились разрушать и растаскивать советскую систему и в результате получили некоего монстра, которого даже не знаем, как назвать.

И не хотим трезво взглянуть на то, что натворили.

В завершение нашего обсуждения, позволю себе поделиться некоторыми соображениями относительно обсуждаемого документа.

В представленном ЦБ РФ проекте «Основных направлений развития финансового рынка», по мнению многих моих коллег из Ассоциации российских банков, не хватает специального раздела о структуре и показателях динамики развития банковской системы РФ:

- какой она должна быть по мнению Центрального банка?
- какова должна быть предельная доля банков с госучастием в обозримом будущем, за счет чего она должна понижаться?

В стратегии отсутствуют показатели развития банковской системы в разбивке по годам: размер активов, доля активов банковской системы к ВВП и т.п.

Полностью отсутствуют ориентиры по розничному направлению: динамика вкладов населения, рост кредитного портфеля физических лиц, решение проблемы закредитованности населения (по мнению регулятора).

Характерно, что непосредственно банковскому сектору как основному звену финансовой системы страны в представленном проекте уделено крайне мало места.

По мнению банковских аналитиков, необходимо наличие в данном разделе отдельных подразделов, касающихся банков с базовой лицензией и региональных

банков, как самых уязвимых звеньев банковской системы РФ на сегодняшний день.

В проекте Основных направлений развития финансового рынка РФ на 2022 год и период 2023 и 2024 годов Банк России отмечает, что банковский сектор РФ характеризуется достаточно высокой концентрацией и по индексу конкуренции CBR-composite сфера банковских услуг является одной из наименее конкурентных на российском финансовом рынке.

В частности, на первые 5 банков в 2020 году приходилось 76% услуг кредитования и 70% операций привлечения средств.

В качестве причин подобного положения указаны имеющиеся у крупных банков «преимущества рыночного и нерыночного характера», в том числе справедливо указано, что доля государства в банковском секторе остается высокой и негативно отражается на конкурентной среде.

При этом обойден вниманием тот факт, что доля банков с госучастием в активах сектора за последние 8 лет выросла с 58 до 74% на конец 2020 года.

В последние годы фактически весь прирост российской банковской системы обеспечивался «госбанками», а на частные банки приходилось порядка 5-10% общего объема прироста,

И именно «преимущества нерыночного характера» служили основным драйвером данного процесса.

По мнению банкиров – участников обсуждения, необходима реализация комплекса мер, направленная на выравнивание конкурентной среды на банковском рынке.

Сокращение количества региональных банков, а в отдельных регионах РФ их отсутствие приводит к снижению финансовой доступности для небольших клиентов, деятельность которых связана с конкретным регионом РФ.

Многие региональные клиенты оценивают наличие банковского отделения на территории ведения бизнеса, как возможность более оперативно решать вопросы, связанные с банковским обслуживанием, в том числе разрешать конфликтные ситуации, получать развернутые консультации путем личного общения с менеджерами банка

Что же предлагает ЦБ РФ для решения этой проблемы?

Конкретно, **«реализацию принципа конкурентного нейтралитета» (стр.58-59)**. Под которым понимается «принцип политики в сфере развития конкуренции, который предполагает создание равных условий ведения бизнеса для всех участников рынка».

При этом отсутствуют конкретные мероприятия для достижения поставленной задачи, в частности, для поддержки малых и средних частных коммерческих банков (особенно региональных).

И отсутствуют какие-либо целевые ориентиры (например, снижение доли государства в капитале российских банков с текущего уровня до 70% к концу 2023 года).

В чем же видится основной недостаток проекта?

В январе 2020 года Счетная Палата РФ в своем заключении по итогам анализа реализации Основных направлений реализации финансового рынка РФ на период 2019-2021 годов отметила, что Центробанк отказался от определения количественных па-

раметров рынка, ссылаясь на международную практику.

Но, по мнению СП РФ «в практике международных финансовых институтов разработаны подходы и показатели для количественной оценки развития финансовых институтов в разных странах.

Необходимо совершенствовать систему показателей развития российского финансового рынка, в том числе с учетом мирового опыта, обеспечить их большую увязку с достижением целей».

Как видно из представленного проекта, данные рекомендации Счетной палаты не были приняты во внимание.

И как результат, в проекте отсутствуют какие-либо количественные либо качественные показатели развития отдельных секторов финансового рынка, включая банковский сектор (например, капитализация публичных компаний, отношение капитализации к ВВП, отношение активов банковского сектора к ВВП, размер активов инвестиционных фондов и т.п.), что во многом девальвирует документ в целом.

Если говорить о стратегии развития финансового рынка до 2030 год, стоит обратить внимание, что **в представленном проекте нет ни одной цифры, отсутствуют какие-либо конкретные показатели, что делает данный документ по существу декларацией без конкретных параметров достижения намеченных целей, т.е. в классическом понимании представленный проект собственно стратегией не является.**

Что предлагает Ассоциация российских банков.

При разработке данного документа необходимо обратить внимание на три аспекта:

1. Провести анализ выполнения распоряжения Правительства РФ от 29.12.2008 «Об утверждении стра-

тегии развития финансового рынка РФ на период до 2020 года» с целью анализа причин невыполнения основных количественных параметров данной стратегии.

Для примера, капитализация российского рынка публичных компаний должна была составить в 2020 году 170 трлн руб., фактически на конец 2020 года 52,2 трлн руб., т.е. в 3 раза меньше.

Нельзя принимать новую стратегию, не проанализировав слабые места ранее действовавшего документа.

2. Необходима четкая увязка данной стратегии с ранее определенными национальными целями экономики РФ к 2030 году, т.е. данная стратегия должна обеспечивать достижение национальных целей.

По заключению Счетной Палаты РФ, сформированные на 2020 год госпрограммы содержали системные недостатки, в частности, несоответствие документам стратегического планирования, неконкретность целей, несогласованность целей и задач, слабовыраженная или заниженная динамика показателей.

Данные выводы в полной мере можно отнести и к представленному проекту.

3. Необходим макроэкономический раздел в данной стратегии касательно внешних условий функционирования экономики РФ в целом и финансового рынка, в частности (прогноз темпов инфляции, динамика валютного курса, оценка перспектив ужесточения санкционных мер и т.п.).

Очевидно, что разработка стратегии на 10 лет имеет смысл только при условии определения четких количественных и качественных показателей достижения национальных целей 2030, при наличии нескольких альтернативных сценариев развития экономики в зависимости от внешних условий.

Раздел III. Статьи

А.Г. АГАНБЕГЯН
академик РАН

О КОРЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

1. Необходимость и основные направления модернизации финансовой системы России. За 30 лет существования новой России нам не удалось перейти к развитому рынку и сформировать полноценную финансовую систему. Она является недоразвитой, а главное не имеет встроенного механизма, обеспечивающего социально-экономический рост в рыночной экономике.

Поэтому за 30 лет валовый внутренний продукт России увеличился всего на 15%.

Этот рост был обеспечен девятикратным повышением цен на нефть – главный экспортный товар России.

За счет этого роста страна получила около 2 трлн долларов «даровой» суммарной экспортной выручки.

Объем промышленного производства при этом за 30 лет не достиг советского уровня 1990 года, а объем инвестиций в основной капитал составил в 2019 г. около 60% от начальных показателей.

Доля инвестиций в основной капитал в составе ВВП за 30 лет сократилась почти вдвое, а доля вложений в человеческий капитал – в сферу «экономика знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение) снизились примерно в 1,5 раза.

Не создан в стране рынок воспроизводства «длинных» денег – основа инвестиций. Отсутствует поэтому эффективный рынок инвестиций в основной и челове-

ческий капитал, являющийся главной составной частью механизма социально экономического роста в рыночной экономике.

Другой важнейший компонент этого роста – конкурентная среда – подорван из-за монополизации многих сфер экономики со стороны государственных и олигархических структур. Фондовый рынок – важнейший источник инвестиций в рыночном хозяйстве в России в основном аккумулирует короткие деньги и во многом носит поэтому спекулятивный характер.

После распада СССР при переходе к новой социально-экономической системе рыночного типа не использован и дополнительный драйвер социально-экономического роста в виде народнохозяйственного планирования, которое в модернизированном виде с преобладанием индикативных показателей могло бы служить значительным фактором социально-экономического роста, как это имело место более чем в 30 странах мира.

Главный недостаток современной финансовой системы России – её ненацеленность и неспособность обеспечить устойчивый социально-экономический рост.

Это касается и бюджетной политики, которая носит преимущественно фискальный характер с приоритетом накопительства, и работы банковской системы, ориентированной на получение текущей прибыли за счёт краткосрочных вложений.

При этом не созданы сколь-нибудь значительные внебанковские фонды «длинных» денег (пенсионное накопление, страховые фонды, совместные фонды и др.), которые в других рыночных странах формируют значительные инвестиционные ресурсы.

Россия осталась страной с высокой процентной ставкой, в разы превышающей процент за кредит в других крупных странах – развитых, постсоциалистических и развивающихся, с самой высокой инфляцией, крайне волатильной и обесценивающейся национальной валютой (в последние 20 лет с 1998 года рубль обесценился более чем в 10 раз, а за последние 10 лет почти в 2,5 раза).

Почти втрое рыночный курс рубля в России ниже паритета покупательной способности по сравнению с США и другими развитыми странами.

80% всех налогов и обязательных взносов в России изымаются у предприятий, и они лишены средств для необходимого развития.

Внутри страны при этом им недоступен в необходимых размерах инвестиционный кредит в основной капитал, а процентная ставка этого кредита для большинства предприятий превышает его прибыльность.

Инвестиционный климат в стране, давление со стороны государства, особенно силовых структур, не заинтересовывает предприятия вкладывать средства в собственную экономику, а вынуждает отправлять их на счета зарубежных банков, особенно в офшоры, прежде всего для своей безопасности.

Коренной недостаток финансовой системы страны – отсутствие её нацеленности на рост благосостояния всех граждан.

Налоговая система страны не выполняет принятую в развитом рынке приоритетность по сокращению разницы между богатыми и бедными.

В России отсутствует необлагаемый налогом минимум дохода и прогрессивная его шкала для обложения высоких доходов. **Именно поэтому 10% зажиточ-**

ного населения страны получает среднедушевой доход в размере примерно 120 тыс. руб. в месяц,

А 10% бедных – около 8 тыс. в месяц с разницей в 2019 в 15,4 раза в сравнении

- **с 10 разами в ЕС,**
- **менее 8 – в Германии,**
- **6 – в скандинавский странах социал-демократической направленности**
- **и 4,6 раза – в Японии.**

В СССР в 1980-х гг. эта разница составляла 3 раза.

А в Казахстане сегодня составляет менее 6 раз.

Потребительский кредит населению преимущественно предоставляется по ростовщическим процентам (15-20% годовых), а микрофинансовыми организациями по ещё большим ставкам. Поэтому десятки миллионов человек, набравшие долги с учётом столь высокой процентной ставки, вынуждены отдавать от одной четверти до трёх четвертей своих доходов на оплату заёмных средств от банков.

Ещё одним негативом финансовой системы и всей экономики страны – её огосударствление.

По данным Всемирного банка, 71% ВВП России производится предприятиями и организациями, подчинёнными государству.

Примерно 74% всех банковских активов в России принадлежит банкам, подчинённым государственным органам и структурам, находящимся в подчинении у государства.

Так что главное назначение финансовой системы страны – обслуживание государства и олигархических структур.

Поэтому мелкий и средний бизнес в России развит в 2-3 раза меньше, чем в других, в том числе развивающихся странах.

Низка доля доходов населения в составе ВВП, особенно в части фонда заработной платы, велика доля теневых доходов, в том числе самозанятых, численность которых доходит до 20 млн человек.

Самое низкое финансирование занимает в России направление средств на:

- НИОКР – 1% ВВП (примерно 70 место среди стран мира),
- образование – 4% ВВП (120 место)
- и здравоохранение – 5% ВВП (140 место) в 2019 г. из 189 стран, по рейтингу ООН.

Наша страна отстаёт в 2-3 раза от развитых стран, постсоциалистических стран и передовых развивающихся стран по показателям объёма финансовой системы, размеру банковских активов и кредита, монетизации экономики (доли денежного обращения M2 в ВВП) и уступает в 3-5 раз этим странам по объёму внебюджетных фондов «длинных» денег в составе ВВП и показателям инвестиционного кредита в основной и человеческий капитал в составе общих инвестиций.

В то же время Россия имеет крупнейшие золото-валютные резервы: 618 млрд долларов на уровне США и больше, чем Германия, Великобритания, Франция и Италия вместе взятые с намного большим населением.

При этом **Россия имеет:**

- **наименьший внешнеэкономический долг среди крупнейших держав мира – менее 5% ВВП** в сравнении с 85% в ЕС и 110% – в США.
- **и минимальный общий долг (внутренний и внешний) – менее 25% к ВВП** в сравнении со 150 и более процентным долгом в США и странах ЕС, 250% – в Японии и 257% – в Китае.

При минимальном вложении инвестиций в экономику своей страны у наших предприятий и организаций крупнейшие средства хранятся в офшорах:

по данным Boston Consulting Group, более 400 млрд долларов – около 30 трлн руб., что в 1,5 раза превышает все годовые инвестиции России в основной капитал.

Что надо сделать!

Чтобы со временем сформировать развитую финансовую систему в составе современного рыночного хозяйства, России нужно провести коренную модернизацию этой системы по следующим направлениям:

- **во-первых**, увеличить объем финансовых ресурсов как минимум вдвое, в том числе банковских активов, суммы кредитов и объем фондовой биржи, а также уровень монетизации страны.

При этом в 3-5 раз предстоит увеличить объем инвестиционных кредитов в основной капитал и объем внебанковских фондов длинных денег;

- **во-вторых**, увеличить норму инвестиций в основной капитал в ВВП с 17% до 25-30% и долю вложе-

ний в человеческий капитал (в сферу «экономика знаний») в ВВП также до 25-30%, что обеспечит ускоряющийся устойчивый социально-экономический рост вначале по 3-4% годовых, а затем до 5-6% годовых. Для поддержки этого экономического роста предстоит увеличить долю инвестиций в жилищное строительство с 15-20% до 25%, а также существенно нарастить необходимые инвестиции для развития экспортных производств и импортозамещения;

- **в-третьих**, повернуть всю финансовую систему страны – госбюджет, банковские активы, золотовалютные резервы и долговые обязательства – к выполнению главной целевой установки по обеспечению устойчивого, ускоряющегося социально-экономического роста на основе технологического прорыва в создании современной инфраструктуры, всемерного развития жилищного строительства и приоритетного увеличения экспорта готовой продукции, прежде всего высокотехнологической, с высокой добавленной стоимостью;

- **в-четвёртых**, увеличить долю вложений в НИОКР до 2-3% в ВВП в образование до 7-9%, в здравоохранение – до 8-10%, в информационно-коммуникационные технологии до 8-12% к 2025-2030 гг.

От фискального приоритета государственных финансов перейти к их стимулирующей роли, сократить долю консолидированного бюджета в ВВП с 35 до 25% за счёт перевода окупаемых проектов по бюджетной статье «Национальная экономика» и другим от безвозмездной формы финансирования к низкопроцентному кредитованию, сокращению налогообложения и обязательных социальных взносов с предприятий и организаций, а в дальнейшем и с понижением НДС в 1,5-2 раза;

- в-пятых, освободить от налога душевые доходы сначала до 25, а потом и до 30 тыс. руб. в месяц и плавно повысить налоги по прогрессивной шкале на доходы свыше 100 тыс. руб. в месяц до 20-35% от дополнительной суммы высоких и сверхвысоких доходов.

Ввести повышенные налоги на производителей дорогих товаров и услуг, недоступных среднему классу (на дорогое жильё, 4-5-звёздные отели, торговые сети и бутики с малодоступными для массового потребителя ценами, увеличить акцизы на сверхдорогие товары и предметы роскоши).

При этом следовало бы ограничить взимание подоходного налога с населения только с сумм, которые они тратят на собственное благосостояние, дав при этом налоговые льготы при расходах на образование, здравоохранение и улучшение до определенного уровня жилищных условий, а также ввести пониженный налог или отменить его вовсе с той части доходов граждан, которую они сдают на хранение в банки или приобретают на них ценные бумаги, особенно гособлигации, а также вкладывают в бизнес и благотворительность.

Поставить задачу – сократить децильную разницу в душевых доходах бедного и богатого населения до 10 раз к 2025 г. и до 6 раз к 2030 г.

Для этого в дополнение к вышесказанному в ближайшее время увеличить минимальную зарплату до 25 тыс. руб., средний размер пенсий также до 25 тыс. руб. с возможностью досрочного выхода на пенсию в 55-60 лет с получением пониженного её размера, повысить стипендии студентам и особенно аспирантам, другие пособия, увеличить помощь относительно бедным семьям с детьми с существующих 1,5% ВВП до 2,5-3%.

Целесообразно скупить «плохие» долги у нуждающегося населения и пересчитать долги у остальной

части населения по максимальной 10-процентной ставке, впредь запретив ростовщичество в России с увеличением кредитной ставки вдвое выше ключевой.

Для преимущественного повышения низких душевых доходов населения на селе и в малых городах (20-25 тыс. руб. в месяц в сравнении с 35 тыс. в среднем по России и 40-45 тыс. в крупных городах) целесообразно создать несколько сот тысяч дополнительно фермерских хозяйств на базе благополучных личных подсобных хозяйств, применив для этого стимулы и льготы по государственной линии.

Фермерские хозяйства объединить в промысловые кооперативы, при которых ввести в действие тысячи небольших перерабатывающих предприятий. А в целом при промысловой ассоциации сформировать крупную продовольственную сеть магазинов КООП;

- **в-шестых**, совместными действиями правительства и Центрального банка в течение 2-3 лет радикально сократить инфляцию в стране до 2-3%, снизить ключевую ставку Банка России до 3%, что позволит предоставлять инвестиционные кредиты в основной капитал по ставке 3-5% в зависимости от срока окупаемости.

Перейти к массовому кредитованию до 15-20 лет на образовательную деятельность по минимальной ставке 3% годовых, дав шанс тем самым членам относительно бедных семей получить профобразование согласно их намерениям и способностям и устранив здесь вопиющее и нарастающее неравенство в образовании людей из бедных и богатых семей.

Впредь до снижения ключевой ставки Центрального банка возмещать банкам недостающие проценты, используя низкопроцентные инвестиционные кредиты за счет бюджетных средств;

- в-седьмых, мобилизовать все резервы и возможности, поддерживая безопасность финансового и экономического благополучия страны для форсированного увеличения инвестиций в основной и человеческий капитал, в жилищное строительство и внешнеторговую деятельность – главные драйверы социально-экономического роста в России.

Кроме мобилизации инвестиционного кредитования за счёт активов банковской системы, использовать на эти цели значительную часть золотовалютных резервов сверх неприкосновенных 300 млрд долларов в интересах безопасности.

При необходимости перейти к умеренно-дефицитному бюджету, покрывая дефицит казначейскими облигациями, приобретаемыми прежде всего Центральным банком и другими крупнейшими банками, и организациями, и формируя таким образом по примеру США, Японии и других стран «длинные» деньги для дополнительных инвестиций.

Использовать для привлечения дополнительных средств государственные займы на внешнем и внутреннем рынке, не превышая общей доли госдолга в 35% к 2025 г. и 50% к 2030 г. (безопасным, по международным рекомендациям, считается долг в 60% ВВП, хотя подавляющее большинство крупных стран имеют долги в разы больше этой нормы.)

2. Роль финансовой системы в социально-экономическом росте России.

Проанализируем роль финансовой системы страны в переломные моменты 30-летнего социально-экономического развития России.

Как известно, за эти 30 лет Россия прошла три периода.

Первый 10-летний период

Он характеризовался трансформационным кризисом, когда ВВП России снизился в 1,8 раза, промышленность – в 2,2, сельское хозяйство – в 1,9, инвестиции – почти в 5 раз, реальные доходы – в 1,9 раза.

Возникшая безработица превысила 9 млн человек – 13%.

Снизилась рождаемость с 12 до 8 и повысилась смертность с 11 до 16 на 1000 человек населения.

Смертность превысила рождаемость (депопуляция населения) максимально в конце 1990-х – начале 2000-х гг. на 900-950 тыс. человек в год.

Трансформационный кризис завершился финансовым кризисом с объявленным государственным дефолтом в августе 1998 г. Так что нижняя точка кризиса по экономике пройдена в 1998 г., а по социальным показателям – в 1999 г.

В истории человечества – это самое продолжительное и глубокое падение экономических и социальных показателей в кризисный период в мирное время.

В ходе этого кризиса было допущено много ошибок, в том числе в финансовой политике.

Отметим прежде всего допущенный небывалый взлёт цен (в 29 раз в 1992 г., и ещё в 9 раз в 1993 г.) с отсутствием индексирования вкладов, которые попросту обесценились.

Подавляющая часть населения осталась без сбережений, и это наложило отпечаток на весь 30-летний период.

А главное – этот негатив повторился в 1998-2001 гг., когда из-за отсутствия индексирования рублёвые вклады государства и предприятий обесценились в 3 раза.

Мы также не индексировали скачок цен в 2014-2016 гг., когда за три года они подскочили более чем на 40%, и люди потеряли до трети своих сбережений.

В отличие от наших реформаторов великий реформатор Людвиг Эрхард, с чьим именем связано возрождение Западной Германии после войны, при проведении денежной реформы немецкой марки индексировал вклады населения, не разрешив, правда, в первые годы сколь-нибудь полно их использовать, чтобы не допустить гиперинфляцию.

Именно в ходе трансформационного кризиса была проведена приватизация, породившая накопление богатства на одном полюсе и нищеты на другом, возникновение олигархии при формировании столь извращённой фискальной финансовой системы.

В конце трансформационного кризиса, как известно, на Россию накатились волны негатива от крупнейшего падения акций на биржах Японии, Южной Кореи, Индонезии и других юго-восточных стран.

Крупнейшие инвестиционные фонды и банки развитых стран, приобретатели больших объёмов акций на этих быстрорастущих биржах, потеряли до 5 трлн долларов.

Им нужно было срочно мобилизовать средства для поддержания бизнеса, чтобы не было оттока средств с их счетов. И они стали аккумулировать эти средства из своих филиалов, прежде всего в развивающихся странах и России.

Россия также характеризовалась быстрорастущим фондовым рынком, и особой популярностью здесь

пользовались краткосрочные облигационные обязательства, выпущенные казначейством (ГКО), которые имели хорошую маржу и в больших количествах приобретались не только нашими банками, но и зарубежными филиалами крупных инвестиционных фирм и банковских групп.

Им было разрешено приобрести 29% от общего объёма выпущенных ГКО, но они с помощью займов нашим банкам приобрели, судя по всему, и дополнительные их объёмы.

Это – внутренняя ценная бумага в России, номинированная в рублях. Иностранные компании стали их продавать на миллиарды рублей и с этими миллиардами на Московской валютной бирже менять рубли на доллары, которые они отправляли в свои головные офисы.

Потребовались, естественно, дополнительные объёмы долларовой наличности и были использованы имеющиеся у государства резервы, которые в то время составляли 24 млрд долларов.

При низком курсе доллара 6 руб. 20 коп. довольно быстро к концу 1997 г. и началу 1998 г. значительная часть резервов была раскуплена.

Чтобы сбить ажиотажный спрос на доллары, пытались поднять маржу, чтобы было выгодно сохранить, а не продавать ГКО.

Но это не сработало. Надо было срочно возмещать потери любой ценой. И поэтому пришлось разблокировать долларовые запасы, используемые для бюджетных расходов.

К маю 1998 г. и этим средствам пришёл конец. Тогда послали А. Чубайса в Международный валютный фонд, где он занял значительную долларовую сумму, но и она разошлась.

А средства от продажи ГКО всё время поступали на валютную биржу для обмена. И когда у государства остался минимум долларовых запасов и не было средств, чтобы поддерживать этот заниженный курс доллара, в августе был объявлен дефолт – отказ государства от своих обязательств по выплатам средств на ГКО.

А доллар на бирже отправлен в «свободное плавание».

Его курс стал расти. И к концу 1998 г. и началу 1999 г. курс доллара на валютной бирже поднялся до 25 руб. – в 4 раза.

Это вызвало повышение импортных цен в рублях также примерно в 4 раза.

И за этим повышением устремились вверх и российские цены на соответствующие товары.

В результате индекс инфляции вырос на 84% в 1998 г. и ещё на 37% в 1999 г., почти вдвое меньше, чем выросли импортные цены.

При таком повышении цен реальные доходы рухнули на 16% в 1998 г. и ещё на 12% в 1999 г., а всего – на 27%. На 5-6% снизился валовый продукт и промышленность, резко сократились инвестиции, обесценились вклады.

Российские банки также скупили большое количество ГКО. Они приобрели их на миллиарды рублей, поскольку при таких суммах приобретения ГКО им предоставлялись серьезные льготы по возможности привлекать в качестве вкладов деньги госорганизаций и так далее.

Кроме того, многие из них застраховали надёжность ГКО для иностранных компаний, поскольку не сомневались в финансовой мощи нашего государства и

теперь должны были выплатить эти большие страховые суммы.

Когда курс доллара резко повысился, население бросилось в банки снимать свои рублёвые вклады, а такого количества денег там, естественно, не оказалось. Возникла паника.

Предприятия тоже стали снимать свои рублёвые вклады.

В результате все частные крупнейшие банки нашей страны с объёмом активов более миллиарда долларов, кроме Альфа-Банка, обанкротились. Кто теперь помнит, что был Инкомбанк, Онэксим-Банк, Банк Менатеп, Столичный банк сбережений, Мост-Банк, Мосбизнесбанк, крупнейший Автобанк и Тверьуниверсалбанк, разорившийся незадолго до этого.

Десятки миллионов людей потеряли свои вклады, сотни тысяч предприятий и организаций лишились своих рублёвых средств.

Благодаря помощи государства, выстояли только «государственные банки» во главе со Сбербанком.

Возник небывалый системный банковский кризис в России.

Столь значительный финансовый коллапс случился только в России и в несколько меньшем масштабе в Бразилии.

Вообще, в других странах были только отдельные трудности. И только финансовая система России оказалась самой слабой, неподготовленной к кризису.

Частично это было связано с экономическими последствиями от политического противостояния между лево-ориентированной Думой с преобладанием комму-

нистов и государственной властью во главе с Президентом Б. Ельциным.

Госдума впервые не утвердила подготовленный правительством В. Черномырдина, вернее, его первыми заместителями – «молодыми реформаторами», как их называли, А. Чубайсом и Б. Немцовым проект бюджета на 1998 год.

И мы прожили первый квартал 1999 г. без утверждённого бюджета со сниженной возможностью расходов, не выплачивая месяцами пенсии, зарплаты бюджетникам и т.д., что усугубило развитие кризисной ситуации.

В конце концов, правительство В. Черномырдина после 6 лет функционирования было заменено новым правительством во главе с С. Кириенко, которое сразу оказалось в сложнейшей финансовой обстановке.

Оно, как и предшествующее правительство, было убеждено в необходимости сохранения валютного курса рубля, который считался важнейшим достижением рыночных реформ, не решилось на девальвацию рубля.

Между тем, даже небольшая девальвация рубля, например, установление долларového курса в размере 10-12 рублей позволило бы в России предотвратить дефолт, катастрофическое повышение розничных цен, небывалое падение и так сократившихся до этого реальных доходов, обесценение вкладов населения и бизнеса, банкротство банковской системы.

Между тем отдельные эксперты, в том числе и нашей Академии народного хозяйства, вносили предложения о необходимости девальвации рубля.

Но правительство на 100% было уверено, что этого не надо делать, и они справятся с трудностями, отказываясь даже обсуждать эту тему.

Во время Санкт-Петербургского международного экономического форума на соответствующей финансовой секции я как ректор этой Академии решил выступить ещё раз с предложением, пока не поздно девальвировать рубль, но практически был лишён слова, и обсуждать эту тему отказались.

Этот кризис наглядно показал слабость нашей финансовой системы, уязвимость нашей экономики.

Но выводы из этого не были сделаны. В том числе, потому что столь сильная девальвация рубля и повышение цен на импортные товары сократили объём импорта вдвое, высвободив ниши многих отраслей – чёрной металлургии, химической промышленности, машиностроения, лесопереработки, лёгкой и пищевой промышленности, где заметную часть продукции составлял импорт.

И поскольку российские цены выросли вдвое меньше, чем импортные, а население и бизнес лишились значительного количества средств и не имели возможность приобретать импортные товары втридорога, они вынуждены были покупать отечественные товары.

И эти отрасли, благодаря импортозамещению, поскольку их мощности были сильно недогружены в 1999-2000 гг., показали небывалый рост – 10-15-20% за год.

И в целом промышленность выросла в 1999 г. сразу на 11% после падения в 1998 г.

А в 2000 г. прирост промышленности составил 12% – самый высокий показатель в истории России.

Так начался восстановительный десятилетний подъём, который с 2003 г. был подхвачен систематическим ежегодным и ускоряющимся ростом цен на нефть, экспортная цена которой за баррель поднялась с 12 долларов в 1998 г. до 95 долларов в 2008 г. – в 8 раз.

За нефтяными ценами устремились вверх цены на природный газ, уголь и другое сырьё.

Соответственно, годовой экспорт страны поднялся в 6 раз – с 75 млрд долларов в 1998 и 1999 гг. до 472 млрд долларов в 2008 г. – в 6 раз.

В ходе восстановительного подъёма банковскую систему в конце концов удалось восстановить и двинуть вверх.

Доля консолидированного бюджета в ВВП с 20% в 1998 г. выросла до 40% в 2009 г. благодаря притоку валюты от экспорта нефти.

Экономическая мощь страны, объем ВВП увеличился в 1,8 раза.

Страна увеличила золотовалютные резервы с 10 млрд долларов после кризиса 1998-1999 гг. до 597 млрд долларов к августу 2008 г. при дополнительных 60 млрд долларов профицита консолидированного бюджета страны.

Несмотря на возросшую экономическую мощь нашей страны, значительно увеличение финансовых ресурсов, наличие огромных резервов, повышение реальных доходов в 2,3 раза, а инвестиций в основной капитал даже в 2,8 раза за 10 лет подъема экономики, в ней осталось много слабых мест, «чёрных дыр».

И когда Россию в конце 2008 г. накрыли волны общемирового циклического кризиса, падение экономики страны оказалось в кризисном 2009 г. са-

мым глубоким среди 20 крупнейших держав мира, представленных на мировом саммите.

Только в России ВВП уменьшился на 7,8%, внешнеэкономический оборот сократился на 40%, доходы федерального бюджета упали в 1,7 раза, а фондовый рынок – в 5 раз.

Для сравнения ВВП развитых стран сократился всего на 3,5%, а развивающихся стран во главе с Индией и Китаем вообще не сократился, а его годовые темпы снизились с 6 до 2,2%.

В целом же мировая экономика сократилась на десятые доли процента. Внешнеэкономический оборот стран мира сократился вдвое меньше, чем в России, – на 20%.

Единственное, чем преуспела Россия в кризис, – ей удалось меньше снизить доходы и потребление населения, а также розничную торговлю, благодаря государственной помощи.

Наибольшая помощь в размере почти 5 трлн руб., в том числе за счёт выдачи беззалоговых кредитов, была оказана всем банкам России, в связи с чем удалось избежать их банкротства в отличие от кризиса 1998 года.

Цена на нефть в кризис снизилась до 60 долларов за баррель, и рубль вначале девальвировал по отношению к доллару с 24 до 36 рублей.

Чтобы погасить возникшую панику по снятию средств с рублевых счетов со стороны населения, правительство за счёт золотовалютных резервов сумело стабилизировать валютный курс на отметке 31 руб. за доллар, сохраняя его последующие 6 лет (до 2014 г.)

Финансово-экономическая политика государства в период кризиса 2008-2009 г. оценивается противоречиво.

С одной стороны, нам не удалось избежать самого глубокого кризиса среди крупных стран мира.

С другой стороны, мы относительно легко прошли это кризис по показаниям благосостояния народа и фактически за два года сумели восстановить докризисные показатели.

Правда, это далось дорогой ценой. На все антикризисные мероприятия правительство, которое в то время возглавлял В. В. Путин, израсходовало средства в размере 10,9% ВВП, в том числе 211 млрд золотовалютных резервов.

Кроме того, в восстановительные годы наши предприятия и организации заняли с мирового финансового рынка 270 млрд долларов, нарастив внешнеэкономический долг России до 730 млрд долл.

Это помогло им быстро приумножить выпуск продукции.

В течение трёх лет после кризисного подъёма среднегодовой рост ВВП составил более 4% – примерно на уровне общемировых темпов, но в 1,5 раза выше, чем в развитых странах, и в 2 раза выше, чем в Евросоюзе.

Правда, развивающиеся страны во главе с Китаем в эти годы демонстрировали среднегодовой рост более 6%.

Восстановительному процессу помогло быстрое восстановление цен на нефть и их увеличение до 112 долларов за баррель в 2012 г. – на 20% выше по сравнению с докризисным периодом.

Объем экспорта при этом увеличился на 50 млрд долларов.

В 2012 г. была достигнута самая низкая доля бедного населения России – немногим более 15% от численности населения страны, почти втрое меньше, чем в 1999 г.

Достигнута была минимальная инфляция за все годы новой России – 5,1%.

Ключевая ставка Центрального банка была 5,5%. И поэтому кредитование предприятий и организаций осуществлялось тоже по самым низким процентным ставкам в сравнении в предшествующим периодом.

В эти три года удалось разогнать инвестиции в основной капитал. Они увеличились за три года на 25%.

Казалось, Россия готовится к социально-экономическому и технологическому рывку в последующие годы. Хотя система управления, технологические и интеллектуальные ресурсы (человеческий капитал), да и сама финансово-экономическая система к этому была недостаточно готова.

Но также было и во многих других странах, уже совершивших этот рывок – Китае, Японии, Южной Корее, Тайване и др. Их структура резко перестраивалась в ходе рывка. И только к концу его стала более совершенной.

В те годы была проведена большая исследовательская аналитическая работа по прогнозированию предстоящего подъёма российской экономики.

Подготовка этой работы была поручена АНХ при Правительстве РФ и Высшей школе экономики с участием министерства и ведомств.

Была подготовлена концепция стратегии социально-экономического роста до 2020 г., ключевые параметры которой были представлены в Указах Президента

РФ, которым вновь был избран В. В. Путин, от 7 мая 2012 г., а также в его Посланиях Федеральному Собранию.

Намечалось увеличивать ВВП в перспективе примерно по 5% ежегодно, поднять долю инвестиций в основной капитал в ВВП с 21% до 25% к 2015 г. и 27% к 2018 г., что означало переход на форсированный ежегодный рост инвестиций в размере примерно 12% в год.

На этой базе ежегодно намечался прирост реальных доходов населения и развитие образования и здравоохранения, а также международных связей со всеми странами.

Все с оптимизмом смотрели вперед.

Но произошло неожиданное.

С 1 квартала 2012 г. темпы роста экономики стали быстро снижаться с 4,7% за последующие три квартала снизились до 0,7% в первом квартал 2013 года.

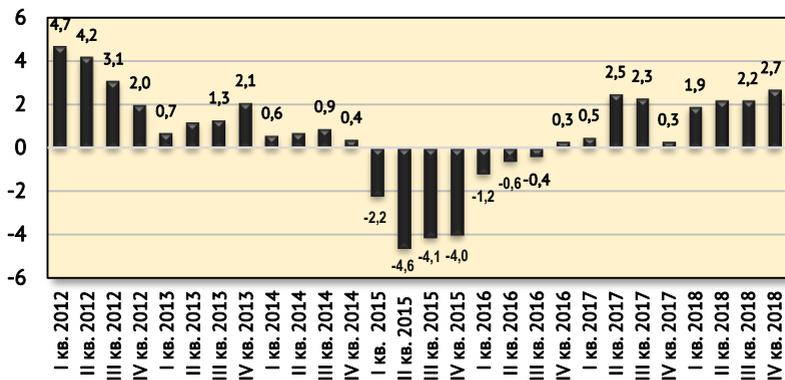
И с этого периода началась стагнация.

Втрое снизились темпы роста ВВП в 2013 г. – до 1,3%, остановился рост промышленности, перестали расти инвестиции, а экспорт начал сокращаться.

Продолжился рост только реальных доходов населения.

А с начала 2014 г. – ещё до присоединения Крыма и санкций – темпы экономики сократились ещё вдвое, до 0,6% прямо с первого квартала 2014 года.

Стали снижаться инвестиции, внешняя торговля и даже реальные доходы. Сокращение ВВП в этот период по кварталам представлено на диаграмме.

Неожиданно в 2013 г. на «пустом» месте заметно выросла инфляция с 5,1% до 6,8%.

И это при отсутствии спроса и наличия стагнации.

Она резко ускорилась в 2014 г., особенно в связи со при снижении цен на нефть и начавшейся девальвацией рубля.

Кстати, ничего плохого в мире в это время не происходило. Скорее, шло улучшение и небольшое увеличение темпов послекризисного развития, в том числе в развитых странах.

С того момента позитивные тренды социально-экономического развития страны сменились негативными.

Первый такой тренд был относительно объективен – сокращался прирост основных фондов – с 8,7% в 2012 г. он сократился до 1,1% в 2013 г., минус 2,7% в 2014 г. и минус 8,4% в 2015 г.

Такое снижение связано с большим падением инвестиций с 4 квартала 2008 г. и в течение всего 2009 г. с замедленным их восстановлением в 2010 г.

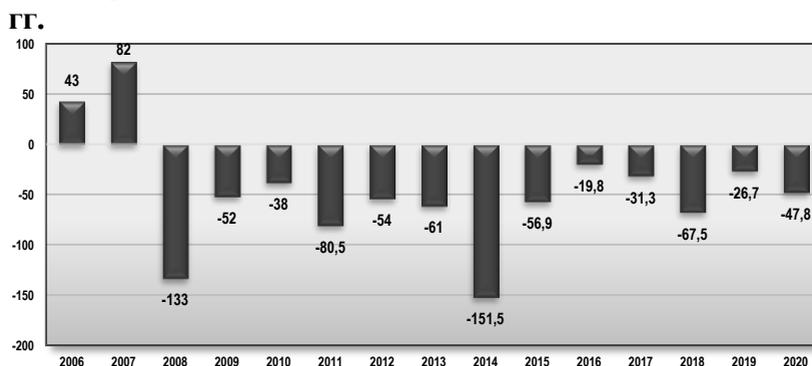
Ведь именно эти инвестиции превращаются в основной капитал – основные фонды, которые вводились на 3-4-5 лет позднее после их вложения.

Другой негативный тренд, начавшийся с 2008 г., отток капитала из России, начало которому положил кризис, и который продолжался все годы, включая нынешний 2021 год, 14-й год после начала этого оттока капитала.

Напомню, что в предшествующие кризису два года, в 2006 и 2007-м был значительный приток капитала – 43 млрд долларов в 2006-м и 83 млрд долларов 2007-м.

Диаграмма этого оттока приводится ниже.

Приток и отток капитала из России в 2006-2020

Но эти два тренда не могли вызвать стагнацию. Они могли лишь замедлить социально-экономический рост.

Это связано с тем, что, как упоминалось выше, наши предприятия и организации в эти годы заимствовали с мирового финансового рынка намного более крупные суммы средств в долларовом выражении, чем отток капитала за это время. Нужно также учесть и

прирост экспортной выручки в России в сравнении с предшествующим периодом.

Переход в стагнацию произошел главным образом из-за резкого сокращения объёма государственных инвестиций с 2013 до 2015 гг. включительно.

За эти три года государственные инвестиции, а также инвестиции предприятий и организаций, подчиненных государству, включая инвестиционный кредит госбанков, в среднем снизился на 30%.

А ведь государственные инвестиции составляли половину всех инвестиций. И поэтому 10-процентный рост частных инвестиций не мог перекрыть негативный эффект указанного сокращения.

Общие инвестиции поэтому снизились на 11% и потянули экономику вниз. Соответствующие показатели приводятся ниже.

ПОКАЗАТЕЛИ	Прирост в %%	Примечание
<u>Частные</u> инвестиции	+ 10	Частные инвестиции выросли с 5897 млрд руб. в 2012 г. до 8368 млрд руб. в 2015 г., или на 40% в

		<p>номинале и 10% в постоянных ценах. Их доля во всех инвестициях выросла с 54 до 58%.</p>
<p><u>Государственные</u> инвестиции (без инвестиционного кредита)</p>	– 31	<p>По данным статистики, государственные инвестиции (без среднего и малого бизнеса) снизились с 2155 млрд руб. в 2012 г. до 1863 млрд руб., в реальном выражении – на 31%.</p>
<p>Инвестиции крупных <u>государственных корпораций</u> (Газпром, Роснефть, РЖД, Росатом, Ростехнология)</p>	– 30	<p>Главным драйвером сокращения инвестиций стал Газпром, инвестиции которого составляли 20% от</p>

		<p>общих инвестиций и снизились до 6%. Снизился объём инвестиций и у РЖД, Росатома и Ростехнологии. Так что увеличение инвестиций Роснефти, не смогло перекрыть убыль их от Газпрома.</p>
<p>Инвестиции в консолидированном бюджете</p>	<p>– 22</p>	<p>Все бюджетные инвестиции сократились в номинале с 1713 млрд руб. в 2012 г. до 1690 млрд руб. в 2015 г. при индексе дефляции по инвестициям за 2013-</p>

		2015 г. – 127%.
Инвестиционный <u>кре-</u> <u>дит</u>	– 27	Доля инвестиционного кредита отечественных банков в общих инвестициях сократилась с 7,2% в 2012 г. до 5,9% – в 2015 г.
Общие инвестиции в экономике	– 11	В 2014 г. инвестиции снизились на 2,7% и в 2015 г. – на 8,4%.

Со второй половины 2014 года к этому добавились санкции, особенно по ограничению допуска России на мировой финансовый рынок, а также рекомендации не поставлять в Россию товары двойного назначения (которые могли использоваться как для гражданских, так и для оборонных нужд).

Негативно повлиял на прирост нефтедобычи в России и запрет поставки в Россию оборудования для

разработки сланцевых, шельфовых и других трудных месторождений.

Эти санкции, по мнению экспертов, сократили прирост ВВП России в эти годы на 1-1,5%.

С июля 2014 г. по инициативе Саудовской Аравии и стран ОПЕК была предпринята попытка снижения цен на нефть на мировом рынке, чтобы предотвратить рост добычи сланцевой нефти, технология которой была разработана и применена в США.

Ведь в США поставлялось полтриллиона тонн нефти из этих стран, а прирост добычи нефти за счет сланцевых месторождений достиг почти 200 млн тонн в год и стал значительно сокращать выручку Саудовской Аравии и стран ОПЕК от мировой торговли нефтью.

Эти страны увеличили добычу нефти почти на 20%, переполнили рынок нефти, и цены упали со 110-115 долл. до 60 долларов за баррель.

Но США усовершенствовали добычу сланцевой нефти и не прекратили при такой цене её добычу.

Тогда в 2015-2016 гг. страны ОПЕК ещё увеличили добычу и снизили цену до 20-30 долларов.

И США пришлось демонтировать скважины добычи на сланец и сокращать эту добычу из-за её убыточности.

Но столь низкие цены стали невыгодны самой Саудовской Аравии и странам ОПЕК.

Дефицит бюджета Саудовской Аравии в 2015 году составил 97 млрд долларов, и на его покрытие ушла четверть всех золотовалютных запасов этой страны.

Поэтому было заключено соглашение, в том числе с участием России и Ирана, о снижении добычи нефти и восстановлении её цены хотя бы до 60 долларов.

США при этом восстановили добычу сланцевой нефти, но стали её наращивать менее интенсивно, чем

раньше, поскольку ряд месторождений не мог осваиваться по экономическим показателям.

Тем не менее, США выдвинулись на 1 место в мире по добыче нефти, обойдя и Саудовскую Аравию, и Россию.

А до этого, в связи с добычей природного газа из сланцевых пород, США опередила Россию по объёму добычи газа, выйдя на 1 место в мире.

Снижение экспортных цен на нефть в России в среднем до 60-65 долл., а моментами намного ниже, как говорилось, в период с конца 2014 г. по 2019 г., в среднем, по оценке экспертов, сдерживала прирост ВВП России на 1-1,5% в год.

Всё это привело к тому, что с 2015 г. в России наступила рецессия.

Объём ВВП снизился почти на 3%, не повысился он и в 2016 г., а восстановление началось только с 2017 г.

Стагнация продолжилась до первого квартала 2020 г. включительно.

3. Теоретические основы финансовой политики рыночных стран.

Современная финансовая политика рыночных стран в значительной мере базируется на двух противоположных макроэкономических теориях Д. Кейнса и М. Фридмана.

Знаменитая книга Джона Мейнарда Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» была опубликована в 1936 г. во многом под влиянием великой депрессии 1929-1933 гг., обрушившейся прежде всего на США и другие развитые страны.

Это был самый глубокий кризис в экономике мира.

Он показал несовершенство существующей рыночной системы.

И Кейнс обосновал это несовершенство, показав, что рыночные отношения не могут обеспечить сбалансированное развитие.

И государство прежде всего с помощью бюджетной и финансово-кредитной политики должно воздействовать на экономическую систему, чтобы это развитие был успешным.

Главенствующую роль при этом Кейнс придавал спросу в части потребления, динамика которого плохо предсказуема из-за склонности населения к сбережениям, и в части инвестиций в основной капитал, объём которых существенно влияет на безработицу и динамику потребления.

Он обосновал, тем самым, необходимость усиления роли государства в экономическом развитии и наметил наиболее важные направления государственной поддержки экономики.

Эти положения использовал Франклин Рузвельт и его администрация в преодолении тяжёлых последствий великой депрессии и успешном выходе США из ямы кризиса.

Кейнс показал, что государство может эффективно сглаживать циклическое развитие капиталистической экономики, оттягивая и ослабляя кризис и успешно восстанавливая экономику, борясь с посткризисной депрессией и обеспечивая её оживление и подъём.

И действительно после второй мировой войны развитые страны сумели с помощью бюджетной политики и установления процентной ставки по кредитам Центрального банка сглаживать негативные тренды

кризиса, растягивать время цикла, обеспечивая поступательное социально-экономическое развитие.

Вместо упадка и разрушения капитализма, предсказываемое марксистами, наступил «золотой век» усовершенствованного капитализма.

Наиболее авторитетные ученые того времени были последователями Кейнса и развивали его положения.

В 50-е годы XX века возникла Чикагская экономическая школа во главе с Милтоном Фридманом, названная школой монетаризма.

В 1963 г. в соавторстве с А. Шварц он опубликовал основополагающую книгу «Монетарная история Соединенных Штатов, 1867-1960».

В ней, проанализировав на большом фактическом материале финансовый рынок США почти за столетний период, он пришёл к выводам о необходимости минимизации государственного воздействия на экономику и финансы, об эффективности рыночных отношений, которые лучше балансируют и стимулируют экономический рост, а излишнее вмешательство государства, напротив, идёт во вред.

Тем самым, он отвергал теоретические положения Кейнса, его предложения по усилению роли государства в рыночном хозяйстве.

В отличие от Кейнса, который в основном работал в одиночку и воздействовал через свои публикации, Милтон Фридман организовал обширную школу, воспитав десятки учеников, ставших впоследствии известными экономистами.

Спрос на его теорию и рекомендации возник у Рональда Рейгана, который был избран президентом США в 1980 г. и перед которым стояла задача преодолеть 10-

летний период стагнации и стагфляции в США, возникших в начале 1970-х гг.

Его предшественники, Президенты Генри Форд и особенно Джимми Картер, пытались выйти из стагнации с помощью антикризисных мер, приглашая советниками последователей Кейнса. Но ни тому, ни другому это не удалось.

Напротив, социально-экономическая ситуация в США ухудшалась.

Они резко увеличили роль государства, на небывалый уровень подняли налоги, мобилизовали огромные госсредства, осуществляли крупнейшие мероприятия в экономике по стабилизации зарплат, изъятию прибыли у предприятий, пытались сбить высокую безработицу и инфляцию, но безуспешно.

И ни того, ни другого избиратели не выбрали на второй срок, что в политической практике США было несчастным явлением.

Рейган сменил всех советников и своим главным советником сделал фактически Милтона Фридмана, а в администрацию привлёк его учеников.

Они разработали принципиально другую систему мер, казалось бы, противоречащую здравому смыслу.

Виднейшие экономисты США, среди которых были и лауреаты Нобелевской премии по экономике, выступили против этих мер, предсказывая их катастрофические последствия для экономики США.

Главным в новой политике Рейгана стало сокращение налогов на 703 млрд долларов. И это в условиях стагнации, когда экономика не растёт, и средства государства не преумножаются.

Он снизил максимальную ставку подоходного налога с богатого населения с 70 до 28%, а налог с предприятий сократил с 48% от прибыли примерно в 1,5 раза.

При этом он руководствовался кривой Лаффера, ученика М. Фридмана, которая показывает зависимость экономического роста от уровня доходов.

Он сократил налоги на величину, при которой возникнет социально-экономический рост, который приведет к увеличению налогов в суммарном выражении после их снижения для населения и предприятий.

На приводимом снимке Р. Рейган выступает по телевидению, держа в руках диаграмму Лаффера.

Результаты удивили всех.

В период его 8-летнего президентства среднегодовой темп роста экономики США впервые составил 3,95%.

Он резко также сократил сроки амортизации и добился замены устаревшего оборудования и приборов новыми.

Сотни миллиардов долларов, которые получили от снижения налогов богатые американцы и предприятия, в значительной мере стали вкладываться в инновационное развитие, поскольку подоходный налог был намного выше, чем низкий капитальный налог на доходы по облигациям, от вложения в акционерный капитал и т.д.

Втрое сократилась инфляция, вдвое безработица, на треть выросли реальные доходы американцев.

И когда в 1988 г. был проведен массовый опрос американских граждан о лучшем Президенте за всю историю США, население выбрало Рейгана, поставив его даже выше Линкольна и Рузвельта, которые до этого во всех опросах были фаворитами.

Процветание США, несмотря на отдельные негативные процессы, например, падение акций высокотехнологических компаний на бирже Nasdaq, длилось 25 лет, с 1982 по 2007 гг., когда в США начался новый циклический кризис.

Такого длительного периода успешного социально-экономического развития в истории США никогда не было.

Идеи рейганомики, а значит и учение М. Фридмана, в определенной мере заимствовала премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер.

Её советники разработали новую политику либерализации страны с массовой приватизацией и закрытием отсталой угольной промышленности, с заменой части бесплатных услуг, в том числе образовательных, умеренной платой, что вызвало серьезный протест в стране.

Но М. Тэтчер вела политику «железной рукой», несмотря на сильное противодействие, прежде всего со стороны профсоюзов и либеральной партии.

Она подняла Англию с колен, куда эта страна опустилась после потери колоний, пропустив вперед по экономике Францию с существенно меньшей численностью населения.

Англия лишилась верховенства своего общемирового финансового лондонского центра.

Тэтчер, проведя либерализацию финансов, сняв государственные препоны, возродила лондонский финансовый рынок, намного превысивший финансовый центр не только Парижа, но и Франкфурта, соперничающий на равных с громадным Нью-Йоркским финансовым рынком, конкурируя с ним и имея преимущества по отдельным направлениям в мировой торговле биржевыми товарами и ценными бумагами.

Против политики Тэтчер также выступали ведущие экономисты Англии, продолжатели дела Кейнса, не понимающие, как и их американские коллеги, что стагнация – это не кризис, это намного хуже.

И антикризисные меры – стимулирование спроса – не поможет выйти из стагнации, а только усугубит её.

Ставку надо делать на рост предложения товаров и услуг для инновационного развития.

Дело в том, что кризис имеет встроенный механизм послекризисного «отскока от дна» и возобновления социально-экономического роста.

Поэтому мудрые китайцы обозначают кризис двумя иероглифами, первый из которых «Беда», а второй – «Шанс».

К тому же кризис длится обычно недолго, 1-2 года, в отличие от стагнации, которая в США, например,

длилась 10 лет, а в России продолжалась семь с лишним лет и переросла в кризис 2020-2021 гг.

В отличие от кризиса стагнация не имеет встроенного механизма, вызывающего экономический рост.

Напротив, стагнация вызывает негативные тренды, которые тянут её к рецессии. И поэтому стагнация отягощена рецессиями.

Семилетняя стагнация в России в 2015 г., как известно, характеризовалась и рецессией, а 2014 и 2016 годы, примыкающие к рецессии, фактически были годами нулевого роста со значительным снижением уровня жизни и инвестиций в основной капитал.

Мы отмечаем негативные тренды, связанные с нашей стагнацией – сокращение инвестиций в основной капитал, особенно государственных, отток капитала.

Добавим к этому прогрессивное устаревание основных фондов, в том числе машин и оборудования, из-за недостатка инвестиций для их нормального обновления.

Стагнация сопровождается сокращением государственных расходов, а, значит, снижением финансирования, в том числе главных отраслей «экономики знаний» – НИОКР, образования и здравоохранения, что мы наблюдаем в России.

В период стагнации обычно снижаются важнейшие показатели уровня жизни, реальные доходы.

За шесть последних лет стагнации (2019 г. в процентах к 2013 году) они сократились более чем на 10%.

Снизилось и конечное потребление домашних хозяйств. Увеличилось число малообеспеченных на 4-5 млн человек.

С 2015 г. по 2019 г. в России сократился ввод жилья.

С 2016 г. до 2019 г. примерно на 400 тыс. сократилась рождаемость и ежегодно стала расти депопуляция (превышение смертности над рождаемостью).

С 2018 г. стала сокращаться численность населения страны и, тем самым, была подорвана сохранность народа России.

Уменьшилась и численность трудоспособного населения, а с ней возник и дефицит рабочей силы. Одним словом, возник новый негативный тренд – демографический кризис.

А со второго квартала 2020 г. долговременная стагнация в России переросла в кризис, вызванный прежде всего коронавирусной пандемией.

4. Мобилизация ресурсов финансового рынка для возобновления социально-экономического роста.

Когда пишутся эти строки, Россия движется к максимуму четвертой, самой высокой волне коронавирусной пандемии.

В октябре число зараженных превысило 1 млн человек, в то время как самая высокая до этого вторая волна коронавируса (декабрь 2020 г.) насчитывала 850 тыс. зараженных.

Тогда максимальная ежедневная зараженность коронавирусом населения России приблизилась к 30 тыс. человек, а сегодня, в конце октября она превысила 41 тыс. человек.

При этом смертность выросла с максимальных 700 человек в день, по данным оперштаба, от коронавируса как главной причины, до 1100 и продолжает расти.

Совершенно ясно, что коронавирусная пандемия продлится, по крайней мере, в первой половине 2022 г.

Что касается мира в целом, то к концу 2022 г. ожидается вакцинация только 70% населения.

Так что в отдельных странах с пандемией будет закончено в лучшем случае в 2023 г. А до этого придётся соблюдать определенные ограничения, учитывая движение населения между странами с передачей коронавируса и, возможно, новых, более заразных и смертельно опасных штаммов.

В то же время восстановление экономики, сократившейся больше всего в 2020 г., в крупных странах идёт весьма интенсивно.

Докризисный уровень ВВП в целом в мире, в США, Китае, во многих странах Евросоюза, в Японии и ряде других странах, а также в России восстановится в 2021 г., когда будет превзойдён уровень ВВП докризисного 2019 г.

В России он будет превзойдён на 1-1,5%, так как он сократился в 2020 г. меньше, чем в большинстве крупных стран – всего на 3,0%, а восстановление в 2021 г. ожидается в размере 4-4,5%.

Трудоспособное население уже во многом возвратилось к работе, хотя ряд отраслей, например, туризм, авиатранспорт, гостиничный бизнес, организации, занимающиеся зрелищными видами деятельности, общественное питание ещё далеко от докризисных показателей.

Но, безусловно, в 2022 г. и они, по-видимому, восстановятся, а, возможно, и превзойдут докризисные показатели.

Прекращение локдаунов, возврат людей на работу увеличивает производство товаров и услуг, повышая зарплаты и доходы граждан.

В результате экономика растёт. И этот посткризисный «отскок от дна» – уникальный благоприятный шанс подхватить его и сразу после кризиса перейти к социально-экономическому росту, «перепрыгнув» через стагнацию.

Вспомните подъём в России после кризиса 2008-2009 гг.

Сейчас это сделать труднее, так как у нас объем инвестиций, и их доля в валовом продукте находятся на самом низком уровне.

Инвестиции в основной капитал в ВВП сократились до 17%, сфера «экономики знаний», главная составная часть человеческого капитала, снизилась до 14% к ВВП.

Такие низкие показатели не могут обеспечить даже простое воспроизводство.

Поэтому в России снизились показатели выбытия основных фондов и их накопление. Чтобы возобновить социально-экономический рост, инвестиции в основной и человеческий капитал в составе ВВП должны превысить 20%.

А для устойчивого ежегодного экономического роста по 3-4% ежегодно их доля должна повыситься до 25%.

Минэкономразвития проектирует с 2022 по 2024 год перейти к 3-процентному росту ВВП, для чего инвестиции в основной капитал они собираются увеличивать по 5-6% в год.

Это не позволит заметно поднять долю инвестиций в основной капитал в ВВП.

Судя по внесённому бюджету до 2024 года, удельный вес сферы «экономика знаний» в ВВП увеличится ещё меньше, чем инвестиции в основной капитал, и не будет способствовать переходу к социально-экономическому росту.

При этом большинство экспертов и в России, и в мире считают 3-процентный рост в экономике в 2022-2024 гг. нереальным.

МВФ, Всемирный банк, эксперты в лучшем случае прогнозируют 2-2,5 процентный рост экономики России, что означает продолжение стагнации, из которой, как говорилось, выходить намного сложнее, чем из кризиса.

Продолжение стагнации в 20-е годы – худшее, что может ожидать Россию. И вероятность этого, к сожалению, велика.

Чтобы гарантировать повышение доли инвестиций и в основной и в человеческий капитал до 25% в ВВП, нужен форсированный рост инвестиций в основной капитал и вложений в сферу «экономика знаний» по 10-15% ежегодно в период до 2025 г.

Тогда мы сможем перейти к устойчивому ежегодному социально-экономическому росту.

После 2025 г. прирост этих инвестиций и вложений может быть более умеренным – по 8-10% в год.

И тогда к 2030 г. их удельный вес в ВВП возрастет до 30%, что обеспечит, судя по развивающимся странам, где такая же доля инвестиций в ВВП – 5-6 процентный рост ежегодно.

Есть ли в России финансовые ресурсы для перехода к форсированным инвестициям в основной и человеческий капитал?

А ещё лучше в добавление к этому – обеспечить рост инвестиций в жилищное строительство и внешне-экономическую деятельность – дополнительные факторы социально-экономического развития.

Да, в России, невзирая на санкции и ограниченный доступ к международному финансовому рынку, есть достаточные средства для форсированных инвестиций и вложений. Источники этих средств представлены в приводимой таблице.

Показатели	Объём заимствования в виде инвестиционного кредита в год		Примечание
	В основной капитал	В «экономике знаний»	
Активы банков в 2018-2020 гг.	1,5-2,0 трлн руб.	1,5-2,5 трлн руб.	В 2020 г. активы банков превысят ВВП и составят 110 трлн руб.
в 2020-2025 гг.	2,5-3,0 трлн руб.	3,0-3,5 трлн руб.	

<p>Международные золотовалютные резервы – взаимобразно при окупаемости 5-10 лет</p>	<p>15-20 млрд долл. в год</p>	<p>из них до 5 млрд долл.</p>	<p>Объём этих резервов в 2021 г. достиг 618 млрд долл., из которых могут быть заимствованы средства Фонда народного благосостояния – 13 трлн руб. и на возвратных условиях до 140 из оставшихся 440 млрд долл. 300 млрд долл. – резерв финансовой безопасности.</p>
<p>Доходы от приватизации</p>		<p>до 1 трлн руб.</p>	
<p>Облигационные займы населения для строительства жи-</p>	<p>1,5-2 трлн руб.</p>		<p>Население сберегает до 40 трлн руб. в России и сотни</p>

ля и приобретения автомобиля			миллиардов долл. – за рубежом.
Прибыль и амортизационный фонд предприятий	1,5-2,0 трлн руб.	в т.ч. 0,5 трлн руб.	При освобождении от налогов части прибыли, направленной на инвестиции, и перехода на ускоренную амортизацию.
Займы государства за рубежом	по 20-30 млрд долл.	в т.ч. 3-5 млрд долл.	Внешний долг государства РФ – около 5% ВВП, а с внутренним – примерно 25%. Его можно довести до 40-50%. Норматив безопасности – 60%.

Главный источник – активы российских банков, которые увеличились в 2020 г. и достигли уровня ВВП – 110 трлн руб.

Это – главный «денежный мешок» страны. Но доля инвестиционного кредита в основной капитал здесь крайне мала – всего около 2 трлн руб.

В то время как для форсированного роста по 10-15% ежегодно только в основной капитал надо дополнительно вкладывать по 2-3 трлн руб. ежегодно. Чтобы это сделать, следовало бы увеличить долю инвестиционного кредита, прежде всего за счёт крупнейших государственных банков вначале в три раза, а потом до пяти раз.

Доля инвестиционного кредита в основном капитале в общих инвестициях сегодня составляет 8% в то время, как в развитых странах 40-50%, а в развивающихся странах, включая Китай, – 20-30%.

Насколько реально изыскать эти дополнительные инвестиции, можно судить по активам Сбербанка, ныне подчиненного правительству. Они составляют 32 трлн руб. И только за счет этого банка можно профинансировать триллионные инвестиции в виде долговременного кредита.

Другой крупный источник – средства самих предприятий и организаций, на долю которых приходится сегодня до 60% всех инвестиций в основной капитал.

Почти половина инвестиций черпается из прибыли предприятий. Чтобы их увеличить, следовало бы освободить эту часть прибыли от налогообложения.

Это стимулирует предприятия получать более высокую прибыль и увеличить долю инвестиций в прибыль, которая сегодня довольно низка.

Финансовый результат (прибыль минус убыток) предприятий и организаций России в 2018-2019 гг. увеличился на 72%.

Но лишь небольшая часть этой суммы пошла на прирост зарплаты и инвестиций.

А подавляющая часть была отправлена на счета в российских и зарубежных банках и дивиденды акционерам.

Десятки миллиардов долларов, как известно, при этом перекочевали в офшоры, по данным Boston Consulting Group.

2021 г., судя по трём кварталам, тоже будет высокоприбыльным, и можно по крайней мере на 1 трлн увеличить инвестиций за счёт прибыли предприятий.

Одновременно следовало бы сократить сроки амортизации в России, самые продолжительные среди крупных стран мира, что увеличит амортизационный фонд, откуда черпается другая половина инвестиций предприятий.

Это также принесёт 1 трлн рублей.

Важным источником дополнительных инвестиций в основной и человеческий капитал могут стать золотовалютные резервы, из объёма которых можно заблокировать 300 млрд долларов на цели безопасности.

Из остальных средств около 180 млрд долларов составляет Фонд национального благосостояния, а оставшиеся около 140 млрд долларов можно на возвратных условиях также в виде инвестиционных кредитов использовать в виде инвестиционных кредитов на прирост основного капитала.

При этом ежегодно можно заимствовать по 15-20 млрд долларов при окупаемости финансируемых проектов 5-10 лет.

Ещё более крупным источником дополнительных инвестиций и вложений может быть заимствование государством заёмных долговых средств, о чём было написано выше.

Государство может занять за рубежом сотни миллиардов долларов, а внутри страны – триллионы рублей.

Для финансирования жилищного строительства и производства легковых автомашин государство может организовать взаимовыгодный облигационный заём для населения, приобретение которого даст средства для финансирования ввода жилья и производства автомобилей, которые могут им продаваться с предоставлением льготной ипотеки и автокредита при сниженной цене приобретения.

Баланс интересов государства, предприятий и населения найти здесь несложно.

Для перехода к социально-экономическому росту следовало бы сменить бюджетные правила и перейти к дефицитному бюджету не только до 2025 года, но можно и до 2030 года, руководствуясь здесь опытом многих стран, не допуская этого дефицита выше жёсткого предела в 3% ВВП, установленного Евросоюзом для своих стран.

Этот дефицит будет покрываться облигациями Казначейства, которые по примеру развитых стран в основном мог бы покупать Центральный банк.

В активах нашего ЦБ около 3% таких облигаций, в отличие от 70-80% у ФРС США, Центрального банка Японии и ряда других стран.

Этот запас формирует «длинные» деньги, которые могут быть превращены в инвестиции.

Важнейший вопрос – эффективное использование дополнительно привлекаемых средств. В первую очередь эти инвестиции в основной капитал нужно использовать для массового технического перевооружения предприятий и организаций с отсталой материально-технической базой.

По оценкам, таких предприятий у нас две трети. Окупаемость здесь 5-7 лет.

Так что предоставление кредита под 5% годовых может быть широко востребовано.

Другое направление – создание новых производственных мощностей, прежде всего высокотехнологических производств, где окупаемость 10-12 лет.

Здесь уместно предоставлять инвестиционные кредиты под 4% годовых. По доле таких производств от развитых стран мы отстаем в 4 раза.

Можно поставить задачу – за 10-15 лет достигнуть технологического уровня развитых стран или приблизиться к нему вплотную.

Третье направление инвестиций – формирование современной транспортно-логистической инфраструктуры и прежде всего переход к строительству двухсторонних автострад, скоростных железных дорог, региональных аэропортов и взлетно-посадочных полос, реконструкции и строительства новых портов, создание крупных логистических центров в комплексных транспортных узлах.

Окупаемость здесь до 20-25 лет, судя по данным Китая, который финансирует соответствующие стройки во многом за счёт долговременного инвестиционного кредита.

Здесь приемлем инвестиционный кредит с 3-процентной ставкой.

Как говорилось выше, триллионные долговременные кредиты с минимальной процентной ставкой нужны для организации массового профессионального образования, обеспечивающего прирост человеческого капитала.

Также на инвестиционной кредитной основе может быть организован подъем жилищного строительства и расширение неэнергетического экспорта.

Эти низкие процентные ставки со временем будут базироваться на сниженной до 3% ключевой ставке Центрального банка, для чего совместными усилиями правительства и ЦБ надо, наконец, снизить инфляцию, скажем, до 2% годовых, как во многих других странах, в том числе постсоциалистических странах Европы.

До этого банкам можно возмещать часть процентной ставки за счёт бюджетных средств, на что потребуется несколько сот миллиардов рублей, которые можно получить, переведя на низкопроцентное инвестирование окупаемые проекты в федеральном и региональном бюджетах.

5. Финансово-экономические и социальные реформы для создания условий устойчивого развития.

Нынешняя финансовая система России не способна долго поддерживать, даже при мобилизации её ресурсов, устойчивый социально-экономический рост.

Нужны коренные реформы финансов, экономики и социальной сферы, а также судебно-правовой сферы и всей системы управления.

Главная назревшая реформа – реформа собственности.

В 2003 году, когда в основном была завершена кампания по приватизации, доля предприятий и организаций частной собственности в производстве валового продукта составила 65%, включая иностранный капитал в России.

А доля предприятий и организаций, подчиненных государству, 25%, в том числе консолидированный бюджет 20%.

В последующий период произошло крупное огосударствление собственности, и доля предприятий и организаций, подчинённых государству, увеличилась до 71%, а консолидированного госбюджета – до 35%.

Возникли государственные корпорации типа Роснефти, РЖД, Ростехнологии и многих-многих других.

Это результаты исследований Всемирного Банка.

Вряд ли нам удастся вернуться к показателям 2003 года, но, как минимум, нам необходимо сократить долю государства хотя бы до 45%, а бюджета до 25% в создании ВВП. Для этого нужно начать крупную приватизацию.

Как показывает опыт Москвы, приватизация может пополнить государственную казну за год до 1 трлн руб. в последующие лет пять, которые потребуются на постепенное проведение этой реформы.

Речь идёт о приватизации тех предприятий и организаций, подчинённых государству, которые не выполняют никаких госфункций, как, например, ВАЗ или банк ВТБ и многие другие госбанки, как Газпром и Роснефть.

Это чисто коммерческие организации, работающие во многом для самообогащения, но частично использующие госбюджет для своего укрепления, а главное использующие свою близость к государству для монополизации своей деятельности и подавления конкуренции.

А это приносит вред социально-экономическому развитию.

Чтобы заинтересовать бизнес во вложениях средств в свою страну для использования своих финансовых ресурсов, хранящихся за границей, в том числе в офшорах, с целью своего устойчивого и прибыльного развития, недостаточно мер, обозначенных выше, по привлечению дополнительных инвестиций из прибыли и из фонда амортизации.

Предлагается также установить налоговые каникулы для предприятий, осуществляющих технологическое перевооружение, предоставлять налоговые льготы при сооружении новых мощностей на предприятиях, дополнительные льготы нужны для наращивания человеческого капитала, для жилищного строительства, развития экспортных отраслей и др.

О направлениях финансовой реформы многое было сказано в первой части этого материала.

Крайне важно провести также реформу регионального управления, переведя регионы на систему самокупаемости, самофинансирования и самоуправления, как это осуществлено в других федеральных странах – в Германии, Канаде, США и др.

В настоящее время до 70% регионов вносят в федеральный бюджет и внебюджетные государственные фонды намного больше средств, чем получают от государства.

И они уже в ближайшие годы при перераспределении налогов в пользу регионов могли бы быть переведены на самокупаемость.

Часть регионов, относительно небольших, являются убыточными. И государство в них вкладывает больше средств, чем от них получает.

Чтобы полностью перейти на региональное самоуправление, со временем придётся провести реформу

административно-экономического деления страны, которое безнадежно устарело.

Предлагается создать наряду с автономными республиками крупные губернии с самокупаемой экономической системой.

При существующей преобладающей дотационной системе регионы недостаточно заинтересованы в организации устойчивого социально-экономического роста.

Да и у ряда руководителей регионов не хватает времени заниматься внутренними проблемами, поскольку им нужно периодически находиться в Москве, чтобы выпрашивать с протянутой рукой у министерств и ведомств необходимые ресурсы.

Самое важное – реформирование нашей социальной сферы, которая до сих пор несёт на себе следы иждивенчества, получая крупные инвестиции за счёт обязательных социальных отчислений от предприятий и большие бюджетные средства.

Мы являемся чуть ли не единственной страной, где подавляющая часть пенсий оплачивается из централизованных фондов, в которые трудящиеся не вносят свои взносы.

Даже Казахстан в 1997 г. перешёл к эффективной накопительной пенсионной системе.

Благодаря существующей пенсионной системе, специфической только для России, у нас одна из худших в мире пенсионных систем со средним размером пенсий, составляющих четверть от заработной платы, особенно если учесть скрытые, теневые поступления в виде заработка.

Размер наших пенсий не отвечает требованиям МОТ о том, что размер пенсий должен составлять 40-60% от размера зарплаты.

43 млн пенсионеров – одна из самых малообеспеченных групп страны. По международным рейтингам уровень жизни российских пенсионеров крайне низок.

Нужно провести пенсионную реформу, и, как в других странах, вычитать на пенсионное обеспечение до 10% от уровня зарплаты и ряда других доходов граждан.

Чтобы не снизились реальные доходы населения, надо одновременно с введением этой нормы провести соответствующую индексацию зарплаты и необходимых доходов.

В коренной реформе нуждается и наше здравоохранение, и его финансовая система.

Целесообразно ввести обязательный взнос из заработной платы и ряда других доходов на оплату обязательной страховки на здравоохранение.

Это позволит поднять финансирование здравоохранения, которое, как отмечалось, у нас крайне низкое.

Эти меры не исключают, а предполагают расширение добровольных взносов граждан на свои частные пенсии и на более полную страховку по здоровью.

Людей надо поощрять к этому, как это принято в ряде стран, освобождая эти суммы от налога и дополняя их определенными взносами от предприятий и организаций, которых по государственной линии надо стимулировать.

Тем самым, социальная система в России станет соответствовать её экономическому уровню и рыночному статусу.

Самое главное в коренном совершенствовании народнохозяйственного управления – переход к страте-

гическому пятилетнему планированию по примеру других рыночных стран.

Китай начал выполнять 14-ую пятилетку, Турция находится в процессе работы по заданиям 11-ой пятилетки, Индия недавно завершила 12-ую пятилетку, добившись заметного подъёма экономики и ускоренных темпов.

Стоит вспомнить четыре пятилетних плана, которые вывели Японию из отсталой страны на 2 место среди развитых стран мира.

А всего 38 стран успешно использовали пятилетние планы, особенно в период своих социально-экономических и технологических прорывов вверх.

Целесообразно разработать новый пятилетний план на 2021-2025 гг. с основными заданиями до 2030 г., нацеленного на возобновление социально-экономического роста и перехода к инновационному развитию.

Модернизация финансовой системы в широком смысле слова является стержнем высокоэффективной социально-экономической системы страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стратегия развития финансового рынка, конечно, имеет множество аспектов. Поэтому мы и попросили наших уважаемых коллег раскрыть их с разных сторон и прокомментировать.

Я присоединяюсь к высоким оценкам сегодняшних докладов.

Но, оговорюсь, не хотел бы умалять предыдущие наши заседания, потому что в течение почти двух лет, начиная с апреля 2020 года, когда заседания стали проходить практически каждую вторую субботу, было очень много содержательных, глубоких докладов и обсуждений.

Это наша недоработка, что они сих пор не были опубликованы.

Но рекомендации по изданию материалов, мы, как видите, уже учли и продолжим в этом направлении работать.

Действительно, необходимо, чтобы все презентации, доклады были собраны и доступны как в электронном, так и в печатном форматах.

Что мы собственно и сделали в отношении Стратегии развития финансового рынка до 2030 года...

Хотел бы поддержать мысль, академика РАН Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова о том, что у нас нормальной рыночной экономики, в действительности, еще не было и нет.

Мы обсуждали конкуренцию.

Надо констатировать, что и конкуренцию мы пока не научились формировать и обеспечивать.

А без конкуренции цивилизованный рынок существовать и функционировать не может.

И, смею утверждать, что одна из важнейших функций цивилизованного государства – создание условий и жесткий контроль за соблюдением требований равной конкуренции во всех отраслях экономики и не только.

Политику мы сейчас не затрагиваем!

Отсутствие равной конкуренции приводит и к низкому качеству товаров и услуг, и к высоким их ценам.

Вот один из важнейших факторов, не позволяющий нам, в том числе бороться с высокой инфляцией.

К примеру, если в условиях жесткой денежно-кредитной политики одни банки испытывают ее архи жесткое давление и массово лишаются лицензий (за 11 лет количество банков сократилось втрое с 1000 до 300 с небольшим), а другие – «избранные» участники рынка бьют рекорды по прибыльности в условиях общего снижения платежеспособности и уровня жизни населения, то стоит задуматься над состоянием этой «консерватории»...

У нас пока даже близко нет понимания того, что есть равная конкуренция, что такое рынок.

В предреформенные 70 лет не было ни культуры рынка, ни культуры равной конкуренции...

Хотя я не прав. В общественной жизни была конкуренция, пока дело не доходило до номенклатурных позиций и должностей. Но все-таки на низовом уровне продвижения кадров и в образовании конкуренция была.

В экономике ее почти не было, если только с высокого благословения «мудрейших» членов Политбюро не ставился вопрос о необходимости конкуренции, допустим, в самолетостроении или в ракетостроении.

Т.е. в виде исключения позволялась, допускалась и стимулировалась конкуренция, основанная на том, кому из выдающихся ученых поверят «сильные мира того».

Но в этой «псевдоконкуренции» конкуренция идей и умов, значительным образом определялась не мощностью идеи, а влиянием стоящего за ней политика!

Эта извращенная, но хоть какая-то конкуренция, позволила нам полететь в космос и иметь конкурентоспособное вооружение.

На свободном рынке, при цивилизованном его регулировании, государство и культура участников рынка не позволяет никому доминировать, используя властные полномочия, привилегии и особые подходы к людям, находящимся на руководящих государственных постах.

В отсутствие такой культуры и опыта цивилизованного госрегулирования, мы «зашли» на дикий неорганизованный, не регулируемый рынок 90-ых.

Сначала реформаторы пытались предложить что-то, в качестве «западной модели» управления рынком, не очень понимая, что в отсутствие необходимой культуры общества это невозможно скопировать и перенести в нашу реальность.

И очень скоро реформаторы были отодвинуты либо бандитами, либо циничными управленцами «новой формации», которые вырядившись в одежды реформаторов, стали просто распределять все, что можно было забрать у государства.

В результате такой траектории развития, такой «школы управления» в обществе стала доминировать следующая философия:

«Если огромные государственные ресурсы были приватизированы кем-то, непонятно каким образом, в таких объемах, то почему нам нельзя?

Ресурсов не осталось?

Найдем!

Не найдем?

Так отнимем у тех, кто взял раньше!

Если с ними тяжело тягаться, они уже обзавелись статусом и капиталом для самозащиты?!

Тогда отнимем у тех, кто послабее!

Даже если они – слабые - у государства ничего не украли, а создали своими руками.

Ну и что, что своими руками?

Научившись отнимать, найдем аргументы! Идеальных нет, найдем к чему придраться и отнять!

Главный показатель, что он слабее, а значит можно будет отобрать!»

Такая философия стала доминирующей в сознании многих «дорвавшихся» и сегодня!

И государство их не сильно сдерживает в силу множества объективных и субъективных факторов, о которых мы, наверное, поговорим на следующих заседаниях НКС ООН РАН!

А пока мы лишь дозрели до того, чтобы клеймить рынок, клеймить демократию, навязанную нам «врагами» (которых что-то очень много во всем мире развелось), клеймить либеральные подходы к экономическим реформам, клеймить все, что угодно, потому что до самой сути мы пока еще, видимо, не очень желаем дойти.

Что называется, не дозрели!

Я полагаю, что в этом направлении нашему научно-консультативному Совету надо будет поработать.

Стратегия – просто некий повод для того, чтобы обсудить, что сделано и каково отношение к такого рода документам.

В заключение, еще об одном замечании Абдулалама Абдулкеримовича Гусейнова.

В своем выступлении он задал очень актуальный вопрос: а насколько люди вообще соотносят свою жизнь, свое будущее, планирование своей жизни с какими-то стратегиями, программами?

Это очень серьезный вопрос доверия к тому, что принимается на высоком государственном уровне.

Это проблема осмысления того, в каком состоянии находится общество.

Насколько оно серьезно относится к проходящим выборам, принимаемым программам, декларируемым позициям руководителей тех или иных политических партий.

Очень серьезный вопрос состояния общества.

Потому что, когда экономика идет своим чередом, финансовый рынок – своим чередом, а повседневная, бытовая жизнь миллионов людей идет совсем в отрыве от всего этого – это очень серьезная проблема.

В нормальном обществе, как и в человеческом организме все части общества и организма взаимосвязаны.

Если 13% процентов населения живет на уровне прожиточного минимума и ниже, значит организм нездоров.

Надо что-то серьезно менять.

И принимая программы и стратегии, надо отдавать себе отчет, насколько серьезное воздействие они возымеют не на то, чтобы управленцам разных уровней стало удобнее распределять госсредства, управлять и

манипулировать людьми, как призывал один из наших «выдающихся» управленцев.

Не на то, чтобы сверхбогатые стали еще богаче.

А на то, чтобы расслоение в обществе, равно как в отдельных его сегментах, как например, в банковской сфере не росло, а сокращалось!

В больном организме раковые клетки бесконтрольно растут, пожирая здоровую часть организма, высасывая из него все «жизненные соки».

И организм умирает, кстати, вместе с раковой опухолью.

Нельзя общество доводить до такого состояния.

Это опасно для всех! Лучше быть в гармонии с обществом, в котором и за счет которого живешь, в том числе непонятным образом вписываясь в списки Форбс!

Не манипулировать надо людьми, а уважать их, даже если они ниже тебя по образованию, по статусу, может по интеллекту, по уровню жизни, по количеству денег на банковских счетах.

Они – часть организма, в котором ты живешь и частью которого являешься! Об этом надо всегда помнить.

Отвечая на вопрос Абдусалама Абдулкеримовича, скажу так, чем здоровее организм и качественнее терапия, предлагаемая врачом, которому доверяешь, тем быстрее каждая его клеточка ощущает пользу от принимаемых им полезных лекарств и решений, каковыми должны быть программы и стратегии.

Чем менее здоровый организм, который пытаются накачать «стероидными препаратами» (читай, непродуманными программами) не очень умные или недобросовестные врачи, тем больший вред для организма и

большее возникает недоверие к «врачам», их предлагающим.

Поэтому доверие к программам и к стратегиям, как и к врачам, определяется эффективностью предыдущих мер лечения.

Хочется с широким кругом экспертов финансового рынка, ученых экономистов, финансистов, юристов, социологов, психологов, математиков и философов доработать эту «Стратегию развития...», чтобы к ней было доверие и уважение, а значит и высокая вероятность ее реализации во благо страны и общества!

Г.А.ТОСУНЯН

**О проекте «Стратегия развития финансового рынка до
2030 года». Материалы совместного заседания НКС
ООН РАН и НИИ ДДиП 9 октября 2021 года**

Подписано в печать 15.12.2021
Формат 60х90/16
Цифровая печать
Тираж 250 экз. Заказ №124

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом. III